Н. РОЖКОВ.

ЛЕКЦИИ

ПО

ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА

ЧИТАНЫ НА СЕНТЯБРЬСКИХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КУРСАХ
В ПЕТРОГРАДЕ 1918 г.

Издание Отдела Подготовки Учителей
Комиссариата Народного Просвещения Союза Коммун Северной Области
ПЕТРОГРАД. 1919 г.

P63

3906

Р63

Н. РОЖКОВ.

ЛЕКЦИИ

ПО

ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА.

3906

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ЧИТАНЫ НА СЕНТЯБРЬСКИХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КУРСАХ
В ПЕТРОГРАДЕ 1918 г.

Издание Отдела Подготовки Учителей
Комиссариата Народного Просвещения Союза Коммун Северной Области
ПЕТРОГРАД. 1919 г.

Тип. Петрогр. Ком. Военно-Технической Помощи, Разъезжая, 43.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

План курса—1. Средние века—2. Значение интеллигенции—4. Платон—6 Эвгемер—8. Ямбул—9.

Англия и Италия XVI и XVII в.—10. Томас Мор—10. Кампанелла—11 Утопии первого периода истории социализма в их отношении к жизни- 11. Второй период истории социализма.--12 Социализм в английской революции XVII в —12. Франция XVIII в Мелье—13. Морелли—14. Бабеф—15. Общие черты второго периода.—16 Третий период—16. Англия второй половины XVIII и начала XIX в.—17.

Оуен—22. Франция первой половины XIX в —24. Фурье—26.

Кабе—27. Сен-Симон—29. Луи Блан—31. Христианский социализм—32. Характер третьего периода—33.

Маркс и Энгельс—34.

Рабочее движение в Англии с половины XIX в.—50.

Рабочее движение в Англии в начале XX века—58. Рабочее движение в Германии—62.

Рабочее движение во Франции—67. Литература по рабочему движению—70. История социализма в России—71.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА.

I.

План курса.

Правильно построенный курс истории социализма должен был бы включать в себе три элемента: во-первых, историю социалистических учений, т. е. тех теорий, которые высказывались различными исследователями, различными мыслителями, социалистически настроенными, относительно будущего общества и его происхождения из общества современного, относительно того, как нужно представлять себе это общество будущего. Второй элемент, который должен был бы войти также составною частью в этот правильно построенный курс, должен был бы заключаться в истории рабочего движения, в истории движения масс для завоевания нового общества, новых хозяйственных и социальных условий жизни. Тут, конечно, пришлось бы проследить экономическое движение рабочего класса в главных его ветвях, кооперативном и профессиональном движении, а затем также политическое движение рабочего класса, организацию политических партий и их борьбу и организацию международного объединения рабочих, интернационала и, наконец, просветительную деятельность рабочего класса, просветительные стремления, существующие среди трудящихся масс и их осуществление в действительности. Третий элемент заключается в тех обще-исторических условиях, в атмосфере которых происходило социалистическое движение, в условиях экономических, в условиях социальных, в условиях государственного строя и, наконец, в условиях духовной культуры. Только в связи с этой общей обстановкой можно понять и историю социалистических идей, и историю рабочего движения.

Я, к сожалению, должен отказаться от такой правильной постановки своего курса просто по той причине, что в течение тех часов, которые остаются в нашем распоряжении, невозможно выполнить эту сложную программу, и придется как нибудь постараться сократить ее. Поэтому я выдвигаю на первый план в своем изложении историю социалистических учений, руководясь здесь прежде всего тем соображением, что, к сожалению, в русской литературе нет единого удобного, достаточно хорошо составленного руководства, чтобы можно было проследить историю социалистических учений, а, с другой стороны, руководясь тем обстоятельством, что тот подробный комментарий к общей истории который мною сделан, в значительной сте-

пени делает для вас понятной обще-историческую обстановку. Что касается истории рабочего движения, то можно будет указать только на главные его этапы, в связи с социалистическими мыслями, и, разумеется, отослать вас к существующим на этот счет пособиям, которые и будут своевременно указаны.

Итак, главная наша задача—это история социалистических учений. Нет никакого сомнения, что социалистические учения возникли, прежде всего, в среде так называемой интеллигенции тогда, когда рабочего движения, как какого нибудь массового потока, сколько нибудь развитого, сколько нибудь сознательного, еще не существовало. Но и среди интеллигенции эти социалистические учения получили свое развитие не с самого начала ея появления, а только впоследствии, когда создались для этого удобные общественные условия. Поэтому мы тщетно стали бы искать следов какой нибудь социалистической идеологии, каких нибудь социалистических теорий в первый момент исторического развития отдельных культур. Невозможно искать социалистических учений в период родового и племенного быта, в период феодальной революции и даже, строго говоря, нельзя говорить сколько нибудь определенно и серьезно о развитых социалистических учениях и в эпоху феодализма. В то время появляются только зародыши их, и зародыши также массовых движений, которые могут рассматриваться до известной степени, как зародыши будущего рабочего движения. На этих зародышах в первую голову нам и предстоит в [illegible]ных кратких чертах остановиться.

Средние века. Я уже указывал вам, что с тех пор, как стал развиваться феодальный строй, мы наблюдаем в разных культурах очень сильную струю монашеского движения. Монашеское движение было в свое время, нужно заметить, не только у христиан, но и у буддистов в Индии и т. д. Это движение мы наблюдали и в России, где оно, между прочим, проявилось в двух ветвях: в форме иосифлян и в форме заволжских старцев, в форме того монашества, которое было опорой существующему феодальному строю, и в форме в значительной степени оппозиционной, — монашества, которое проникнуто было мистическим религиозным началом. Этот мистицизм свойственен был не только русскому монашеству, он был свойственен также, как было мною указано в свое время, и западно-европейскому монашеству. И Западно-европейское пустынно-жительское монашество, как и русское, в значительной степени содержало в себе в зародыше некоторые течения, которые могли, в конце-концов, повести к развитию социалистического мировоззрения. Это монашество стояло за жизнь собственным трудом, за жизнь скромную, небогатую, за жизнь общинную, дружную, братскую. С этою целью оно и удалялось в пустыню. Вот почему здесь можно видеть некоторые зародыши будущего, тем более, что очень скоро, в тэ же средние века, в XII уже веке появилось и дальнейшее развитие этих первых ростков социалистического быта. В XII в. в Италии жил выдающийся представитель монашества, не только мистического, но, и как доказывают новейшие исследователи, пытавшагося, сообразно

условиям жизни своего времени, осмыслить настоящее и предвидеть будущее, пытавшагося, научно, насколько это было возможно тогда, осмыслить историческое прошлое, и предупредить будущее, т. е. выполнить ту научную задачу, которая составляет цель и современного исторического знания. Я имею в виду Иоахима из Фиоре.

Иоахим из Фиоре—этот средневековый ученый монах, исследователь прошлой и настоящей истории, насколько это было доступно ему по средствам, находившимся в его распоряжении, пришел к заключению, что существующий феодальный строй должен погибнуть и смениться в будущем, может быть, далеком, другим строем. Может быть его неправильно истолковывали, будто он определял и год, в который придет это новое светлое будущее, в который этот строй должен перейти в более совершенный, в братский, демократический строй, в царство Духа Святого, как он выражался, в форме свойственной средневековью, в форме религиозной. И это царство Духа Святого будет представлять из себя действительное осуществление идеалов равенства, справедливости и братства на земле.

Эта теория Иоахима из Фиоре нашла себе очень скоро последователей практиков. Арнольд Брешианский, итальянский схоластик, ученик Абеляра, в конце XII и начале XIII в. стал проповедывать необходимость осуществления этих идеалов братства на земле и с этой целью поднял даже целое массовое движение, которое усмирено было только вооруженною силою. И с тех пор непрерывно идут различного рода вспышки, родственные и теории Иоахима из Фиоре, и практике Арнольда Брешианскаго.

Так, например, вальденсы, последователи средневекового ересиарха Пьера Вальдо, который также, совершенно независимо от Иоахима из Фиоре и Арнольда Брешианскаго, развивал идею христианского братства. Затем, дальше этот идеал и практически пытался осуществить в XIV в. Дольчино, итальянец, который и погиб жертвой своих стремлений. Затем мы наблюдаем в XV ст., среди последователей Гуса в Чехии так называемые чешские и моравские братства общей жизни.

Все эти отдельные течения, отдельные коммунистические стремления носили одну черту, одинаково им всем свойственную. Все эти течения опирались теоретически на евангельский идеал, на представление о том, каково было первоначальное учение Христа. Они исходили из той мысли, что первоначальное учение Христа было в значительной степени проникнуто идеалом такой братской жизни, в которой все были бы равны и все принимали бы одинаковое участие и в труде и в результатах этого труда. Этот религиозный характер средневековых течений и составляет отличительную их черту. Можно, пожалуй, усмотреть до некоторой степени родственную им черту в движении секты ессеев в еврейской национальности.

Но, наряду с этим, мы наблюдаем в средневековьи, особенно в конце средневековья и в начале нового времени, массовые движения,

которые не носили, конечно, нигде настоящего социалистического духа, но, вместе с тем, были движениями, можно сказать, параллельными этому зародышевому социализму, слабому, очень несовершенному. Они проявлялись в средние века в крестьянском движении.

Крестьянское движение было массовым явлением во всех европейских странах, начиная с XIV и вплоть до XVI в. Крепостные крестьяне волновались, не могли выносить крепостной зависимости, и вот, под знаменем свободы от крепостного права, крестьянство и выступило в целом ряде возстаний, которые в Англии вылились в возстание Тайлера в XIV в; во Франции крестьянское движение вылилось в французской жакерии того же XIV столетия. Слово жакерия произошло от прозвища Жак Боном, по нашему Яков простак, Яков-дурачек,—презрительная кличка, которой именовали крестьян во Франции в средние века. Крестьянские войны в Германии в эпоху реформации представляют из себя такое же движение и носят на себе печать того же религиозного социализма, каким отличались средние века. Ѳома Мюнцер, Иоанн Бокольд (Лейденский) были основателями этого зародышевого социализма в Вестфалии. Все они основывали свое учение на том, что брали в основу учение Христа в первоначальном виде, по их мнению, было потом оно затемнено его учениками и духовенством посредством применения к интересам правящих классов общества.

Это крестьянское движение возникало во всех странах. Оно возникло также в свое время, как вы знаете, и у нас. Движение Разина, Пугачева родственны этим движениям, они вовсе не проповедывали социализма, задачей их был, скорей, возврат назад, к первобытному времени, когда земля была свободна, когда всякий мог взять ее во временное пользование, когда можно было жить в условиях, почти лишенных всякой общественной и государственной организации, когда и вече, и всякого рода другия учреждения не были строго организованы, когда не существовало крепостного права. Эти движения были признаком того, что массы волновались, но, конечно, они не были явлением социалистическим в собственном смысле этого слова.

Значение интеллигенции

Социализм в собственном смысле слова, социалистическия теории возникают только тогда, когда происходит переход к зародышевым формам капитализма, именно к торговому капитализму. Как только торговый капитализм выступает на первый план, как только образуется денежное хозяйство с обширным рынком, тогда мы наблюдаем в интеллигенции, по которой больно ударяет окружающая действительность, и которая встречается в этой действительности с явлениями невыносимыми для ея классовых интересов, первые социалистические теории. Теперь мы и должны посмотреть, какова была та обстановка, и где и каковы были первые социалистические теории.

Из общей системы курса, который я дал, вы знаете, что первые зародыши капитализма возникшие в истории, появились в Греции, в форме афинского капитализма, главным образом V го и IV-го

веков до Р. Хр., во времена Перикла и других. Эта форма афинского капитализма и вызвала определенное социалистическое учение, представителем которого был знаменитый философ того времени, ученик Сократа, Платон. Это первое социалистическое учение, с которым мы и должны познакомиться.

Но, прежде чем перейти к нему, нужно еще задать себе вопрос, что такое представляет из себя интеллигенция. Вы знаете, что в обычном смысле слова интеллигенцией называется общественная группа, имеющая определенный уровень образования и сознательно, с пониманием, как показывает само слово, относящаяся к окружающей действительности. Это определение обычное, ходовое. Обыкновенно к этому прибавляют, что интеллигенция есть группа внеклассовая, межклассовая или надклассовая. Действительно, нет спора, что представители образованности существуют в разных классах общества, и можно представить себе образованных людей, вполне интеллигентных, от верхов до самых низов общественного здания. Но мы не должны забывать, что когда речь идет об интеллигенции в собственном смысле этого слова, то разумеется не та интеллигенция, которая обезпечена в своем существовании, скажем, доходом со своего имения, а имеется в виду человек, живущий собственным своим умственным трудом, представляющий из себя ту группу общества, которая тоже является рабочею силою, но рабочею силою в области профессионального умственного труда, отнюдь не физического. Вот что такое интеллигенция в экономическом смысле этого слова.

Теперь спрашивается, каковы основные черты этой экономической группы? Несомненно, эта интеллигенция в значительной степени работает на господствующий класс общества, как работает и физический рабочий, представитель физического труда. Она в значительной степени продает свою рабочую силу на рынке, главным образом, господствующим классам, которые в состоянии покупать эту рабочую силу, которые в результатах ея труда нуждаются и заинтересованы. В этом отношении она сближается с рабочим классом, и интересы ея в значительной степени приближаются к интересам людей физического труда. Но есть одно существенное отличие между интеллигенцией и представителями физического труда. Не только в том оно заключается, что интеллигенция непосредственных, материальных ценностей не производит, а производит только духовные ценности, которые посредствующим образом содействуют улучшению и увеличению материальных ценностей. Не это существенно. Существенно то обстоятельство, что тогда как нормальный фабричный рабочий работает чужими средствами производства и не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, представитель интеллигентных профессий,—будь это адвокат, врач, литератор, ученый,—он в значительной,—в некоторой, по крайней мере,—степени обладает и известными средствами производства. Врач имеет приемную, имеет свой кабинет, адвокат имеет целый ряд помощников, которые носят характер, приближающий их к подмастерьям ремесленного мастера. Ученый имеет иногда в своем распоряжении целый ряд помощников, с которыми он

работает, учеников, ассистентов, может быть, имеет под рукой и переписчиков, которые собирают материалы по его указаниям, и т. д. Словом, здесь та же черта, которая отличает ремесленного мастера от наемного рабочего. Ученый, литератор, интеллигент сплошь и рядом является, может, по крайней мере, явиться,—особенно если у него есть способности или если он обладает некоторыми средствами,—в положении, до некоторой степени мелкого ремесленного предпринимателя, на которого работает также известное количество наемных помощников. Эта черта отличает интеллигенцию от рабочего класса в значительной степени, и с этим нужно считаться: здесь есть возможность подняться на ступень, а затем перейти и в класс буржуазии, потому что люди, имеющие большие заработки, могут в конце концов оказаться и капиталистами. Это обстоятельство создает для интеллигенции черту, отличающую ее от рядового представителя рабочего класса, представителя физического труда, для котораго почти невозможно в обычных, нормальных условиях капиталистического общества пробиться и выйти в среду буржуазии. Это и создает основную черту в самих социалистических мечтаниях интеллигенции до тех пор, по крайней мере, пока интеллигенция не получает массовой опоры в лице рабочего движения. А в те времена, когда жил Платон, такого массового движения в Греции не было и быть не могло.

Платон. Вы помните, тогдашний афинский пролетариат не представлял из себя промышленного пролетариата, а был пролетариатом потребительским, пролетариатом, жившим на счет государства. Если кто и создавал тогда материальные ценности, то рабы, которые не считались свободными гражданами, они представляли из себя не что иное, как мертвую силу с точки зрения экономической, которую эксплоатировали беспощадно, вплоть до полного истощения, изнеможения, к которым относились так, как теперь относятся к машине, т. е. стремились получить максимум пользы, не касаясь вопроса человеческого существования, человеческой индивидуальности. Платон, в своих сочинениях, „Государство“ („Республика“), „О законах“ и создал свое социалистическое учение в этой, можно сказать опустошенной обстановке, в этом, с социальной точки зрения, безвоздушном пространстве, не опираясь ни на какое массовое движение трудящихся.

Это отразилось роковым образом на его построениях в том, что его интеллигентская сущность, его видное положение в современном ему обществе создавало такую обстановку, которая несомненно сказалась на самом его учении. Я сначала изложу в основных чертах его социалистическое учение, а затем укажу, под каким влиянием могло оно сложиться.

Прежде всего, у Платона мы наблюдаем указание на то, что общество будущего, общество, которое должно быть идеальным, должно быть построено на основе общего производства и общего же потребления, т. е., другими словами, не только само производство хозяйственных благ должно быть делом всех граждан, но и потребление каждого отдельного гражданина должно быть строго регулировано

государственными властями, Это одна из отличительных черт всякого интеллигентского, так называемого утопического социализма. Обыкновенно такой социализм стремится регулировать все подробности. Тут сказывается, конечно, большое влияние той регламентации, которая существовала в эпоху феодализма, сказывается также недоверчивое отношение интеллигенции к правящим классам общества, к буржуазии, все более и более выдвигающейся на первый план. В интеллигенции сказывается стремление к известному равенству в использовании тех благ, которые достаются богатым, сильным мира сего.

Вторая черта заключается в особой организации власти. Власть должна распоряжаться, и производством, и потреблением. Организована она должна быть так: власть должна быть, прежде всего, не только всемогуща, она должна не только регулировать до мелочей и сословное распределение общества, и брачные союзы, и образование, и образ жизни, и верования. Она должна в то же время быть построена так, чтобы обезпечить за знаниями, за интеллигентностью возможность проявить себя возможно полнее в обществе. Другими словами, власть эта должна принадлежать, как выражается Платон, философам, т. е. интеллигенции, власть не демократическая, ни в какой мере. Современная Платону афинская демократия оставила очень сильное и неблагоприятное впечатление на Платона, потому что эта демократия, как вы помните, была демократией фиктивной, прежде всего. Она была не властью большинства народа, не властью трудящихся, а властью в значительной степени паразитической афинской толпы, содержащейся на счет государства. Именно поэтому, когда Платон стремится предотвратить злоупотребления со стороны буржуазии, со стороны правящих классов и ратует против демократии, то он ратует против нея во имя интересов интеллигенции именно потому, что рассматриваемая им демократия афинская не представляет из себя трудящихся классов, а представляет паразитический класс. Вот почему он отстаивал право власти только за философами, которые должны разрабатывать все науки и, вместе с тем, применять на практике все те научные выводы, к которым они придут.

Третьей чертой учения Платона является такая организация общества, чтобы оно не распалось, организация иерархическая, отнюдь не основанная на равенстве, а основанная на сословности. Первым сословием, господствующим, по Платону, должны быть философы. Вторым сословием, уже подчиненным, должны быть воины, защитники данного социалистического общества извне и охранители внутреннего порядка. Третьем сословием земледельцы и ремесленники, которые должны работать и кормить общество. Учиться они должны немногому, главным образом, гимнастике для того, чтобы развивать свои физические силы, и мифологии, т. е. науке, которая содержит в себе целый ряд практических указаний на то, как нужно строить общество, представляющееся Платону идеальным. Воины учатся много больше, чем земледельцы и ремесленники. Они, прежде всего, учатся тому, что необходимо для военного искусства, а затем также

и всем другим наукам, но не в том объеме, в каком изучают их философы, а только в том, в каком это необходимо, чтобы решить, нет ли среди воинов людей, способных стать философами. Если таковые окажутся, они немедленно получают дальнейшее образование и поступают уже в правящие классы или в правящее сословие после окончания этого образования.

Вот главные черты учения Платона. Эти главные черты заключаются в следующем. Во первых, здесь есть протест против торгового капитализма, существовавшего в то время, протест против торгового капитализма, который больно бьет по интеллигенции, отводит ее на второй план и выдвигает на первый план власть капитала. Затем здесь есть вера во власть интеллигенции, в возможность для нея путем своих знаний, путем своего разума устроить правильное общество. Потом здесь есть сословное начало, равенства не существует и, наконец, чрезвычайно подробная регламентация всех отдельных сторон жизни. Не только производство должно быть регламентировано и находиться в руках общества, но и потребление, и потребление не только материальных благ, но и духовных, предписываются и определенные верования, и определенные идеи, и определенный круг знаний, и определенные нравы, брачные отношения предписываются и руководятся философами в интересах того, чтобы создать более здоровое следующее поколение. Так что здесь в значительной степени все построение получает казарменный характер. Оказывается, что это социалистическое общество должно представлять из себя ни что иное, как подобие казармы, в которой у всякого своя функция определена точно, каждый должен знать свое место и делать только свое строго регламентированное дело. Вот в чем заключается учение Платона.

Эвгемер. Позднее, когда римская империя достигла уровня капиталистического развития в первые три века существования ея, тогда в империи торговый капитализм развернулся еще шире, чем он существовал в Греции, в Афинах. Я указывал уже, что тогда образовалась новая культура, не чисто греческая, а смешанная греко-римская. Эта греко-римская культура дала свои плоды в области социалистической мысли. Экономические условия римской империи первых трех веков были во многом похожи на афинское развитие, поэтому и учения носили тот же утопический характер, с некоторыми видоизменениями, во многом повторяя те основные положения, к которым пришол Платон. Я имею в виду главным образом два социалистические учения этого времени, двух писателей—Эвгемера и Ямбула.

Если мы возьмем, прежде всего, Эвгемера, то он так же, как и Платон, считал необходимым отказаться от полного социалистического равенства. Он также вводил начало сословности, и во главе всего общества ставил жрецов, под которыми разумел ту же общественную группу, которая названа была Платоном философами. Эвгемер был атеистом, он отрицал существование богов и объяснял существование богов тем, что боги—ни что иное, как гениальные уче-

ные и гениальные люди, которых обожествляли. Он говорил, что и Зевс не бог, что он был когда-то человеком, который своим гением облагодетельствовал человечество, которое его и обожествило. Значит, под жрецами нужно разуметь ту же интеллигенцию, тех же представителей наук и искусства. Все эти представители философии, науки и искусства,—это интеллигенция, другими словами, она и должна была править этим социалистическим обществом.

Другим классом общества, по Эвгемеру, являются земледельцы, которых он, вопреки Платону, ставил выше воинов. Воины у него занимали низшее положение. Он находил, что между воинами и пастухами есть нечто общее: как пастух оберегает стада, так воины должны оберегать государство и порядок. Земледельцы имеют гораздо более важное значение потому, что они вырабатывают ценности, необходимые для самого существования общества. Еще высшее значение имеют ремесленники, они уже почти художники, принадлежат к господствующему классу общества. В чем же заключается разница, в чем причина этой разницы? Причина ясна. Она заключается в том, что ко времени Эвгемера, ко времени римской империи, промышленность обрабатывающая и земледелие сделали настолько большие успехи, что ясно было, какое огромное они имеют значение. И вот характерно, что по мере того, как развивается денежный капитал, интеллигентская мысль, которая усваивает социалистическое мировоззрение, все более и более отрицательно относится к войне и к военной обстановке, ко всему тому, что создает условия военных распрей, кровопролития и т. д., отрицает милитаризм, военную конструкцию. Черта—заметная уже у Эвгемера.

Что касается всего дальнейшего, то тут много похожего на Платона. Для производства и распределения государство приводит в систему отдельные хозяйства. Эвгемер допускает, что хотя государство имеет право собственности на землю, на все средства производства, на все продукты, но производит каждое отдельное крестьянское хозяйство особо, только под руководством государства, приводящего в систему эти отдельные хозяйства и собирающего продукты их в общественные магазины. Характерно еще, что Эвгемер отступает и от равенства распределения. Он указывает, что тот, кто хорошо ведет хозяйство, имеет право на добавочный паек. Он указывает, что правящие классы общества, жрецы имеют право на двойной паек, как организаторы всего дела. Как видите, здесь уже проводится идея, что не всем нужно поровну, что какую-то разницу нужно установить. Вот к чему сводится в главных чертах учение Эвгемера.

Ямбул.

Что касается Ямбула, его сочинения „Государство—солнце“, то мы находим там новую черту: каждая отдельная община, каждое отдельное хозяйство, составляющее социалистическое общество, имеет определенный численный состав—400 человек, и в этом социалистическом обществе должен быть обязателен равный труд для всех. Каждый участвует при этом во всех видах труда—и физического и умственного. Ямбул доводит свою регламентацию до отрицания индивидуального брака, но индивидуальный брак отрицается не на осно-

нии проповеди безпорядочного полового общения, а на основе свободы чувства. Он признает, что только чувство должно определять брачные связи людей, и, следовательно, принуждение не должно иметь места. Вместе с тем Ямбул указывает, что дети не должны находиться на попечении родителей, что дети должны считаться детьми всей общины, и воспитывать их должно государство. Мать даже не знает своих детей, они у нея отбираются, как только родятся, и воспитываются в государственных учреждениях.

Во главе всего хозяйства и государства стоит гегемон с неограниченной властью, пожизненной, не по выбору, отнюдь нет, а по старшинству возраста. Самый старый человек в данном государстве является таким гегемоном до тех пор, пока не умрет, а потом заменяет его другой, следующий по старшинству.

Вот те учения, которые созданы были греческой и греко римской культурой. Мы познакомимся сейчас с другими учениями того же типа, которые существовали уже в других культурах, находящихся на том же уровне развития, на котором стояла греко-римская культура в период торгового капитализма.

II.

Англия и Италия XVI и XVII в.

Те экономические, социальные и политические условия, которые наблюдались в Афинах в V и IV веках до Р. Хр. и в римской империи в первые три века после Р Хр, в главных своих чертах повторились затем в Англи XVI в. и в Италии XVII в. Сущность этих условий вам известна. Она заключалась в том, что и здесь, и там, и в Италии XVII в., и в Англии XVI в., мы наблюдаем развитие торгового капитализма, развитие денежного хозяйства, рассчитывающего на обширный рынок. Соответственно этому мы видим и в области духовной культуры Англии XVI в. и Италии XVII в. явления параллельные тем, которые наблюдались в Греции, в Афинах V и IV вв до Р. Хр., и в римской империи первых трех веков после Р. Хр. Мы наблюдаем сходство и в области социальных учений в Англии, в учении Томаса Мора—в его „Утопии“, в Италии в учении Кампанеллы, в сочинении озаглавленном так же, как и сочинение Ямбула: „Город-солнце“ или „Государство-солнце“. Теперь мы должны познакомиться конкретно с этими двумя важными учениями.

Томас Мор.

Что касается Томаса Мора, то его „Утопия“ изображает остров Утопию, где государство имеет 24, одинаково построенных и на одинаковом расстоянии друг от друга находящихся, города. В каждом доме города живет 40 мужчин и женщин, причем половина их остается в городе, а другая половина—20 человек—живет в деревне, и обе эти половины меняются по очереди. После истечения некоторого времени, может быть, полугода, деревенские 20 человек приезжают в город, а городские уезжают в деревню. Во главе каждых 30 семей, 30-ти таких домов находится выборный начальник. Над

каждыми десятью начальниками стоит еще высший выборный начальник, а все начальники, собираясь вместе, выбирают на всю жизнь князя, при котором эти высшие начальники составляют совет. Наконец, в качестве верховного совещательного органа есть еще сенат, состоящий из выборных от городов, по 3 человека от каждого.

Вот как организовано, в смысле политического строя, это государство острова Утопии. Здесь строгая симметричность, математически точное построение, в котором все равные числа, и в этом отношении построение носит характер утопичного построения. Опять таки, все хозяйство, все производство и все потребление организовано и регламентировано во всех подробностях, и все находится в руках государства. Ни одна мелочь жизни не может быть устранена из ведения государства. Государство все регулирует. Это та же черта, что и у Платона. Все работают физическим трудом, за исключением ученых и правителей. Ученые и правители от физического труда освобождаются. Вот вкратце главные черты учения Томаса Мора.

Кампанелла.

Что касается учения Кампанеллы „Город-солнце“ или „Государство-солнце“, то, как и в учении Мора, здесь много не только сходства, но и подражания государству Платона. Несомненно, что и Томас Мор, и Кампанелла знали учение Платона. У него тоже всеобщий труд, все обязаны трудиться, кроме правителей. Всеобщая трудовая повинность составляет одну из черт этого общества. Затем все подробности регламентированы очень точно, регламентировано не только производство, не только распределение, но и жилище, и стол, и брак регламентируются государством во всех подробностях, и воспитание детей, и даже весь образ жизни каждого гражданина устанавливается государством. Другими словами, опять мы наблюдаем здесь тот же казарменный порядок, который был отличительной чертой всех других утопических учений первого периода в истории социалистических учений.

Утопии первого периода истории социализма в их отношении к жизни.

Все то, что я сейчас говорил, относится к первому периоду истории социалистических учений. Отличительным явлением этого первого периода является то, что интеллигенция, которая являлась выразительницей этих первых социалистических мечтаний, была совершенно безсильна осуществить свои планы в действительности. Только один раз в жизни Платона мелькнула возможность применить свои утопические мечтания к делу, и отсюда вышла попытка компромисса, попытка, описанная в его „Законах“. Дионисий, тиранн сиракусский, пригласил Платона в качестве государственного советника. Дело в том, что этот Дионисий, желал иметь опору против аристократии, желал укрепить свое самодержавие, приобрести в глазах широких народных масс ореол социального преобразователя. Осведомленный об учении Платона, он решил воспользоваться его советами. Но, конечно, этот союз деспота и ученого был явлением весьма недолговечным. Дионисий так же отнесся к Платону, как впоследствии Наполеон относился к идеологам, к мечтателям, т. е. с презрением. Дело кончилось полной неудачей. Платоновские советы не понадобились Дионисию и оказались

висящими в воздухе так же, как и все другие утопические проекты. Интеллигенция была бессильна. Она не имела никакой опоры, ея знаниями пользовались, поскольку это было нужно, правящие классы – дворянство и буржуазия, но пользовались только технически. Когда, например, советы Платона показались утопичными Дионисию, то Платон почувствовал себя в опасности от сиракусского тиранна. А Томас Мор, который был и практическим правителем, канцлером при Генрихе VIII, кончил жизнь очень печально, он был казнен Генрихом VIII. Что касается Кампанеллы, то и его участь была немного лучше участи Платона и в особенности Мора. Кампанелла много лет провел в тюрьме. Никакой опоры в народных массах учения всех этих утопистов не имели, они остались чуждыми народу. Эти одинокие мечтатели-утописты, будучи детьми своего времени, были, можно сказать, в то же самое время пасынками своего времени, их теоретические мечтания, в конце концов, остались чистой утопией, никакого влияния практического не имеющей, и сами они от них них больше страдали, чем усматривали какие нибудь практические результаты.

Но нет сомнения, что самый факт появления новых, социалистических учений был очень знаменателен, он показывал, что появилось в жизни человечества у разных народов в соответствующие моменты развития некоторое зерно нового мировоззрения, которое затем выросло и дало плоды очень обильные.

Второй период истории социализма.

После того, как мы рассмотрели первый период в развитии социалистической мысли, мы должны перейти ко второму периоду, опять таки свойственному разным странам, на соответствующих ступенях их экономического и общественного развития. Второй период характеризуется тем, что капитализм сделал дальнейший шаг вперед, он проник не только в торговлю, но и в земледелие, а затем также в значительной степени стал проникать и в обрабатывающую промышленность. Обыкновенно, когда совершается этот переход, тогда в разных странах начинаются так наз. демократические или буржуазно-демократические революции. Одна из таких революций была в Англии в XVII в., а другая во Франции в XVIII в. Мы теперь должны посмотреть, что дали для истории социализма XVII век в Англии и что XVIII в. во Франции.

Социализм в английской революции XVII в.

Что касается Англии, то здесь, несмотря на то, что Англия или может быть, благодаря тому, что Англия представляла из себя переходную страну, социалистическое течение не проявилось сколько нибудь теоретически, но оно зато сказалось довольно сильно, гораздо более сильно, чем где бы то ни было, в массах населения.

Здесь в особенности обращает на себя внимание одно обстоятельство. В среде английских сект, которые возникали во время революции, и которые строили общественные преобразования в значительной степени на определенном сектантском толковании первоначального христианства, была, как известно, секта индепендентов. Индепенденты или независимые стояли за то, что каждый может толко-

вать священное писание так, как ему велит его собственная совесть, его собственный разум, его собственное чувство и что поэтому не нужно никаких церквей, каждый может выполнять все то служение божеству, которое надлежит вообще совершать, так, что никакого особенного церковного устройства не нужно. Вот чему учили индепенденты. Но сами распались на целый ряд отдельных течений, из которых самыми крайними являлись так наз. левеллеры, в русском переводе уравнители. Это было крайнее течение. Менее крайние индепенденты стояли за республиканский строй,—к ним принадлежал и О. Кромвель, это так называемые джентльмены. Но на деле Кромвель, как известно, был представителем абсолютной власти, считался президентом или протектором английской республики, но фактически был монархом. Что касается левеллеров, то это были более демократические по своему происхождению, по своим взглядам люди. В среде этих левеллеров или уравнителей особую группу составляли так называемые диггеры, или копатели. Они именно ввели в обиход такую мысль, что так как равенство составляет основную задачу общественного строя, то прежде всего равенство должно простираться на землю. Поэтому землею может пользоваться тот, кто сам ее обрабатывает, может пользоваться свободно, не стесняясь правом собственности. Эти диггеры или копатели захватили пустующие земли и начали их обрабатывать и продолжалось это до тех пор, пока правящая власть не положила предела этим опытам. Это были первые примеры массового движения, при котором земля была объявлена общей собственностью, при котором была сделана попытка общими силами разработать эту землю с целью получения общаго продукта и поделения его между собою.

Это была практическая попытка очень важная и диггеры, в сущности говоря, ближе подходили к социализму, оказались несравненно более практическими, чем утописты первого периода развития социалистической мысли. Здесь мы наблюдаем новую черту именно в том, что все таки некоторое массовое движение, некоторый народный фундамент стал подводиться под новые социалистические мечтания. Правда, они окончились неудачей, но все таки это очень характерная и важная черта, что народные массы несколько двинулись на встречу интеллигентским мечтаниям.

Франция XVIII в. Мелье.

Что касается Франции, то там началось с мечтаний, т. е. оторванно от масс, от массового сочувствия. Первым французским социалистом XVIII в. был сельский священник Жан Мелье, который родился еще около половины XVII века, а умер в 30-х годах XVIII века,— очень характерная фигура для своего времени, так что хоть несколькими штрихами нужно его личность обрисовать. Он происходил из мелкой буржуазии, из городских бедняков, получил образование, отличался большой добротой в особенности по отношению к беднейшим, вел строгую, в высокой степени нравственную, аскетическую жизнь, можно даже сказать монашескую жизнь, всегда заботился о том, чтобы как нибудь помочь беднякам, защищать слабых. И вот, в конце концов, когда дело, которым он занимался по защите своих прихожан

против местных помещиков и местной администрации, потерпело неудачу, этот человек, достигший тогда преклонного возраста, кончил тем, что осудил себя на самоубийство и умер в припадке меланхолии, в припадке отчаяния, оттого что невозможно улучшить окружающую действительность. Умирая, он завещал все свое имущество, правда небольшое, своим прихожанам. Главным из того, что он завещал, было самое завещание, писанное им в течение многих лет, завещание, которое представляет из себя один из опытов критики окружающего общества и попытку построить идеальное социалистическое общество. Это завещание в отрывках было опубликовано Вольтером, а в полном виде увидело свет в печати в XIX веке.

По завещанию Мелье, этого католического священника, христианская религия не есть истинная религия, есть ложь. Почему? Потому что она, по словам Мелье, покровительствует 1) политическому деспотизму, 2) поддерживает частную собственность и в 3) поддерживает неравенство состояний, сословный строй. Против всего этого Мелье высказывается с чрезвычайной резкостью. Он находит, что религию и Бога надо отвергнуть, надо провозгласить лозунг—долой религию, потому что религия создана сильными в своих интересах для порабощения слабых. Счастье заключается в противоположном должно отрицать основные догматы религии и существующий государственый строй. Счастье заключается в том, чтобы не было деспотизма, а существовало полное равенство и братство, для чего, говорит Мелье, необходима революция, невозможно достигнуть этих результатов мирным путем. Затем дальше, счастье должно заключаться в том, чтобы все одинаково работали и все одинаково пользовались продуктами своего труда, и вместе с тем, чтобы во главе всего хозяйства каждой общины стояли наиболее мудрые и наиболее благородные люди, и чтобы государство представляло собою не что иное, как союз таких общин.

Вот идеал, который проповедывал Мелье. Вы видите, что здесь есть течение, отличающееся учение Мелье от социалистических учений первого периода. Эти лучшие, мудрейшие и наиболее нравственные люди, по Мелье, уже выборные люди. Затем, по мнению Мелье, демократия вообще представляется идеалом—черта, отличающая его учение от первого периода. Он дал критику, чрезвычайно тонкую с точки зрения понимания классовых интересов, существующего государственного строя и существующей религии, и в этом отношении достиг большой критической остроты, что также отличает его от представителей первого периода социалистической мысли. И наконец еще черта, которая отличает его от первого периода, заключается в том, что он провозгласил необходимость революционного переворота, насильственного переворота, что он отрицает мирный характер социалистических утопий, находит, что социализм может быть проведен только революционным путем, что только революция открывает пути к социализму.

Морелли.

Вторым представителем французского социализма XVIII века, позднее Мелье, был аббат Морелли. У Морелли были два сочинения,—одно было написано в виде социалистического романа

и называлось „Базилиада“, а другое было написано два года спустя и называлось—„Кодекс природы“, здесь в систему были приведены отдельные замечания, сделанные в „Базилиаде“. Морелли представляется необходимым для совершенного государства разделение его на отдельные общины, каждая из которых должна насчитывать по тысяче человек,—схематизм, напоминающий учения первых соцалистов. Все продукты должны быть распределены поровну. Государство должно быть разделено на равные семьи, на равные трибы по тысяче человек, на равные по населению города, на равные по населению и пространству провинции—обычная схема.

Что касается управления государственного и в частности хозяйственного, то здесь, в каждом городе должен быть свой сенат, состоящий из 50 мужчин, ими же выделяется общегосударственный сенат по два человека от каждого города. Сенату подчинены советы из глав семейств в каждой провинции, а из них выбирается еще совет государственный с совещательным голосом. Сенаты местные и сенат общегосударственный и управляют всем государством, причем решения местных сенатов подлежат непременному утверждению со стороны сената общегосударственного.

Брак обязателен для всех, причем в первые 10 лет после заключения брак безусловно нерасторжим, а потом возможен развод, но более как второй раз вступить в брак не дозволяется. Воспитание детей общегосударственное, под руководством отцов и матерей по очереди.

Вы видите, что учение Морелли носит на себе в значительной степени печать тех учений, которые нам знакомы по первому периоду развития социалистической мысли, представляет собой отголосок прошлого. В этом отношении он ни в коем случае не может быть поставлен даже рядом с Мелье, несмотря на то, что его учение более позднее: оно является отголоском тех идейных течений, которые имели место в Англии гораздо раньше, потому что Франция была более отсталой страной.

Бабеф.

Франция стала выдвигаться на первый план позднее Англии и даже позднее Италии, которая одно время была передовой страной, даже более передовой, чем Англия. Но когда наступила великая французская революция, тогда, в последний период ея развития, в 1794 году мы наблюдаем другое течение, другое явление, еще более характерное, чем Мелье, еще более передовое. Это так называемый бабувизм, т. е. учение Бабефа. Социализм Бабефа более зрелый чем социализм Мелье,—он сделал практическую попытку к осуществлению, очень несовершенную, конечно неудачную, но во многих отношениях характерную. Бабеф был тоже, как и другие социальные мечтатели, интеллигентом, но он был интеллигентом в полном смысле этого слова, интеллигентом пролетарием, бедняком, паупером.

Вслед за Мелье, но независимо совершенно от него,—возможно, что Бабеф и не знал совсем о завещании Мелье,—мы наблюдаем у него очень развитое понятие о противоречии классовых интересов. Он указывает на то, что меньшинство, предприниматели, богатые,

пользуются всеми благами жизни, а большинство, трудящиеся не имеют этих благ жизни и их интересы в конце концов прямо противоположны интересам богатых, интересам буржуазии, что между пролетариатом и буржуазией, между трудящимися и предпринимателями должно быть неизбежно непримиримое классовое противоречие. Это черта новая, которая впоследствии, как мы увидим, была развита научным социализмом.

Затем далее, у Бабефа правильно поставлены классовые различия в связи с другим недостатком существующего капиталистического общества, с частной собственностью. Он задумывается над вопросом, откуда происходят эти классовые противоречия, и впервые ясно и точно формулирует, что причина этих противоречий классовых интересов частная собственность на средства производства.

Что касается положительного устройства, то в общем, должен сказать, он представлял себе его так, как и Томас Мор, так что останавливаться на этом подробно я не буду. Характерная черта дальнейшего учения Бабефа заключается в том, что он не считает возможным, как и Мелье, обойтись без революции, без восстания, без захвата власти социалистами, причем он и составил заговор, „заговор равных", как он его озаглавил, и эти равные составили манифест, в котором указывали на необходимость социальных реформ, которыми нужно было увенчать здание демократической французской революции. Но не сразу ввести социалистический строй предлагал Бабеф, сначала, думал он, необходима диктатура отдельного социалиста по выбору социалистов для воспитания народа, для воспитания трудящихся масс в коммунистическом или социалистическом духе. Вот какова была задача этого заговора равных. Они замыслили в 1797 году начать восстание, но заговор был открыт, Бабеф и еще один из его друзей были казнены, а другие поплатились менее суровыми наказаниями.

Общие черты второго периода.

Этими учениями, учениями, следовательно, с одной стороны Мелье и Бабефа, а с другой стороны теми движениями, которые были в Англии, движением и учением диггеров, и исчерпывается второй период в истории социалистической мысли. Каковы его отличительные черты? Прежде всего важно здесь введение революционного начала завоевания власти, затем важно то, что здесь была тонкая и более глубокая критика существующего общества и выяснения некоторых причин тех социальных болезней, которыми это общество страдало, начала классовых интересов, классовой борьбы и частной собственности. И наконец, третье, что здесь наблюдается—это начало социалистического движения среди народных масс, среди трудящихся. И вот эти новые ростки, которые проявились во второй период развития социалистической мысли, достигли еще большого развития затем в третьем периоде.

Третий период.

Третий период имел типических представителей в целом ряде стран, передовых по тому времени. В Англии он имел представителя в лице Роберта Оуэна с некоторыми еще другими, как например, Годвин и Спенс. Во Франции он имел целый ряд представителей, из которых представителями утопического

социализма были такие социалисты, как Фурье, Кабе. Новые зачатки во французском социалистическом движении переходят уже к научному социализму, отчасти сюда принадлежит Луи Блан и во всяком случае Сен Симон и его последователи. Что касается Англии, то там тоже наблюдается переход к научному социализму в учении Томпсона. Что касается Германии, то в первой половине XIX века, к которому относится это социалистическое движение, Германия дала нам первого социалиста Вейтлинга. Но социализм Вейтлинга ни в коей мере не может быть причислен к третьему периоду развития социалистической мысли. Вейтлинг, правда, вышел из низов, из рабочих, но его план в значительной мере походил на утопию второго периода. Германия вообще представляла собой отсталую страну, и потому в ней не могло быть тех ростков нового, которые наблюдаются в третьем периоде в более передовых странах, какими были тогда Англия и Франция.

Англия второй половины XVIII и начала XIX в.

Я прежде всего должен охарактеризовать несколько подробнее те общие исторические условия, в которых протекала жизнь передовых народов в первой половине XIX-го века, и показать, какие зародыши рабочего движения наблюдаются в этих странах. Что касается Англии, то я указывал уже в программе исторического курса, что Англия еще в половине XVIII-го века пережила период так называемого хозяйственного переворота, т. е. переход к промышленному капитализму и к машинному производству. Начало этому перевороту положил Дж. Уатт изобретением парового котла. А затем целый ряд других изобретений в области применения к машинному производству сделал Англию монополистом по части сбыта фабричных продуктов. Английская буржуазия вместе с этим напрягла все усилия к тому, чтобы создать новые производства на фабриках и заводах, а в то же время английский рабочий класс проявил очень большую нервность— английский рабочий первой половины XIX-го века и первой четверти второй половины не обладал совершенно политическими правами и не привык еще к машинному производству. Машинное производство казалось новшеством чрезвычайно опасным. Как и все рабочие всего континента, английские рабочие жили в условиях ремесленного производства и привыкли к тем патриархальным отношениям, которые существовали между хозяином ремесленной мастерской и его подмастерьями и отчасти учениками. Правда, по отношению к ученикам бывали крайние жестокости, но, как известно, хозяин садился с подмастерьями и учениками за один стол, держал на своем иждивении, словом между ними существовало постоянное общение и до известной степени близкие, патриархальные отношения. Поэтому и первые организации английских рабочих носили ремесленный, патриархальный характер. Это были так называемые рабочие клубы, где рабочие собирались вместе с хозяином для обсуждения тех или других нужд.

Когда введено было машинное производство положение существенным образом изменилось. Предприниматель перестал быть ремесленным мастером, а стал фабрикантом, капиталистом, он перестал работать сам, перестал жить в одинаковых условиях с подмастерьями,

он низвел их на положение наемных рабочих, которым платил определенную заработную плату, но с которыми он не делил своего стола и своего жилища. Между предпринимателем и рабочим теперь образовалась пропасть, которой прежде не было, и это создало отчужденность рабочих от предпринимателей, это создало сознание противоположности интересов, и старые рабочие клубы, в которых участвовали мастера, стали теперь неудобной формой организации.

Кроме того рабочие почувствовали, что в новых условиях машины скоро делают их неспособными к труду. Ведь эксплоатация рабочих в то время была крайняя—работали не только по 10- 12, но и по 15—18 часов в сутки. Рабочие получали при этом ничтожную заработную плату, жили в сырых, неудобных помещениях в койках и каморках. Конечно, каморочные помещения были так дороги, что двое рабочих занимали одну койку, никогда не остывавшую, потому что в то время, когда один спал, другой работал, а потом они сменялись. От этого происходила усиленная смертность и усиленная болезненность. Рабочие очень страдали от новых условий фабричного производства и задавались вопросом, в чем же причина этих страданий и, не будучи сознательными, они усвоили себе такой взгляд, что причина этих страданий заключается в машине и в отмене старого ремесленного устава, который был издан еще в XVI-м веке при королеве Елизавете. Поэтому рабочие начали стачечную борьбу с целью уничтожить машинное производство и вернуть английскую промышленность к ремесленному производству, в условия XVI-го и XVII го в.в.

Понятно, когда под такими реакционными лозунгами проводится движение, то оно обречено на неудачу. Но вместе с тем наряду с этими неудачами оно принесло большие неприятности предпринимателям, потому что прекращение работ от стачечной борьбы при мировой промышленной монополии Англии было гораздо убыточнее уступок рабочим в смысле уменьшения рабочего дня или увеличения заработной платы. Поэтому английския предприниматели со свойственной им гибкостью пришли к заключению, что нужно сделать уступки рабочим. Рабочие, чтобы вести стачку, составляли тайные профессиональные союзы, которые сначала английскою властью преследовались, но в 1824 году английское правительство провело через палату общин и палату лордов закон, по которому было разрешено устраивать профессиональные союзы открыто и законно, и вместе с тем все таки поставлены были известные ограничения. Профессиональные союзы построены были так, что не имели права иметь недвижимое имущество, не имели так называемого юридического лица, т. е. лишены были гражданских прав, как корпорация и кроме того они играли роль простых обществ взаимопомощи, т. е. должны были помогать в случае болезни, в случае увечья, в случае, если рабочий лишается работоспособности не по своей вине. Фактически эта взаимопомощь привела к тому, что эти профессиональные союзы оказывали поддержку стачками, что было воспрещено законом. Раз были организованы открытые профессиональные союзы, профессиональное английское движение получило новые формы и новое содержание. Ра.

бочие, получая уступки от предпринимателей в смысле уменьшения продолжительности рабочего дня и увеличения заработной платы, поняли, что не в машинах основная причина несчастья и что незачем стремиться к возстановлению ремесленного устава Елизаветы, и рабочее движение приняло новые лозунги борьбы, а именно—уменьшение рабочего дня и увеличение заработной платы.

Нужно заметить, что эта борьба была плодотворна до тех пор, пока английская промышленность шла вперед, пока международный рынок не был насыщен английскими фабричными изделиями. А с тех пор, как наступил кризис, борьба экономическая, стачечная борьба стала терпеть неудачу и рабочие английские стали приходить к заключению, что нужно какими нибудь другими средствами помочь беде. И вот два средства выяснились перед ними. С одной стороны политическая борьба, завоевание избирательного права, именно всеобщего избирательного права, а с другой стороны борьба при помощи кооперации, т. е. борьба мерами хозяйственными, путем создания потребительских и производительных обществ, которые с одной стороны дадут возможность членам получать дешевые и доброкачественные предметы потребления, а с другой стороны производить общими усилиями какие нибудь товары. Вот идеи, которые возникли в английском рабочем движении. Это движение нашло себе идеолога в лице Роберта Оуена, поскольку дело касалось рабочих союзов и кооперации, а поскольку дело касалось политического движения, то здесь оно нашло главным образом двух представителей — О. Коннора и О. Бриена.

III.

В первые два периода истории социализма, которые мы изследовали в прошлый раз, можно отметить два течения социального движения: с одной стороны движение массовое, движение трудящихся масс, с другой интеллегенции, и оба они существенно отличаются друг от друга по своему характеру. Массовое движение было по своему характеру историческим, т. е. искало в прошлом каких нибудь оснований для социальной реформы и возвращалось к первоначальному христианству по совершенно естественной и понятной причине, потому что массы в своей сознательной общественной и умственной работе способны всегда, особенно на начальных ступенях развития, искать разрешения проклятых вопросов окружающей действительности в области религии. Что же касается интеллегенции, то она рассматривает вопросы иначе: она рассматривала их с точки зрения рационалистической, с точки зрения разума. Вот эти две стороны дела органически-историческая и рационально-интеллигентская в третьем периоде истории социализма между собою в значительной степени переплетаются, в очень значительной мере друг друга оплодотворяют, друг у друга заимствуют и, конечно, этим процессом взаимодействия подготовляют четвертый и последний период в раз-

витии социализма, именно период научного социализма и массового рабочего движения. Вот потому сейчас и надлежит нам рассмотреть, как это взаимодействие слагалось, и как постепенно вырабатывались в этот период основы научно-социального миросозерцания и вместе с тем массовых, пролетарских действий и организаций.

Я начал прошлый раз с указания на то, что массовое рабочее движение в Англии еще во время промышленного переворота второй половины XVIII века приняло профессиональный характер, или как его называют, характер тредъ-унионизма. Эти тредъ-унионы т. е. профессиональные союзы Англии поставили на своем знамени на первом плане экономическую борьбу, т. е. борьбу за уменьшение продолжительности рабочего дня, за увеличение размеров заработной платы и вообще за улучшение условий труда. До тех пор пока английская промышленность переживала период развития, период благоприятной хозяйственной конъюнктуры, эта экономическая борьба шла удачно: английские рабочие делали приобретение за приобретением и завоевывали все новые и новые позиции, чему много содействовала английская буржуазия, работавшая в качестве монополиста на мировом рынке. Она в 1824 г. сочла необходимым определить законом существование профессиональных союзов или тредъ-унионов.

Но капиталистическому хозяйству, как известно, свойственна периодичность. По ходу развития капиталистическому хозяйству свойственно такое положение, что расцвет хозяйства сменяется промышленным кризисом, подъем и кризис чередуются, и в этом органический закон капиталистического хозяйства, потому что ведь капиталистическое хозяйство есть хозяйство анархическое, в нем господствует экономическая неурядица, потребление не согласовано с производством. Каждый предприниматель ведет свое предприятие за свой страх и риск, он работает вне общей программы, он сам учитывает все возможности для дальнейшего расцвета своего предприятия и больше всего заинтересован в том, чтобы увеличивать свою прибыль и об этом главным образом и заботится. Но он не может учесть рынка, не может учесть спроса, не может знать, какие продукты сейчас необходимы для удовлетворения существующей потребности и в частности какие делать продукты в своем предприятии. Здесь всяк молодец на свой образец и каждый старается выбросить на рынок возможно большее количество товаров. И вот наступает момент, когда предложение товара оказывается выше, чем его спрос. В старой экономической науке принято было говорить, что начинается перепроизводство товара. Конечно, это выражение до известной степени правильно, не только до известной степени. Дело в том, что никогда не может быть в обществе перепроизводства безусловного, не может быть, чтобы произведено было такое количество товаров, которое являлось бы ненужным для данного общества. Всегда существуют очень обширные слои населения, которые нуждаются в известном продукте, да не могут его покупать по той простой причине, что не имеют достаточных покупных средств, потому что по существу своему это такие товары, которые в значительной мере приобретаются из избытка средств суще-

ствования. Подавляющее большинство населения этих избытков не имет и обыкновенно вынуждено бывает урезывать свои потребности. Поэтому и создается такое положение, что магазины и склады ломятся от товаров, и на ряду с этим есть много народа, который купил бы их, но не может этого сделать по недостатку средств. Вот такой то кризис получается вследствие того, что более состоятельные слои населения уже удовлетворили свою потребность в данном продукте, а менее состоятельные или совсем несостоятельные лишены возможности эту потребность удовлетворить. Товары не продаются, залеживаются, и фабриканты бывают вынуждены сокращать свое производство и даже совсем закрывать его. Появляется масса безработных, а безработица сопровождается голодом, болезнями, усиленной смертностью, словом получается типическая картина, периодически повторяющаяся в капиталистическом хозяйстве, картина экономического кризиса.

Такой кризис постиг английскую промышленность в 30-х годах прошлого XIX-го века. Когда наступает такой кризис, то исчезает возможность вести борьбу на экономической почве, на почве промышленности, путем устройства стачек, экономических забастовок и т. п. Почему? По вполне понятной причине, что слабым, умирающим с голода людям борьба непосильна; и предприниматель всегда может найти людей взамен своих бастующих рабочих, готовых работать на любых условиях и за всякую плату в силу необходимости, по той причине, что массы безработных могут иначе умереть с голода. Вот почему в такое время экономическая борьба становится невозможной, и английские рабочие должны были на своем опыте в этом убедиться. Они пришли к убеждению, что борьба во время кризиса немыслима, им стало понятно, что экономические завоевания рабочего класса не имеют цены без политических завоеваний, т. е. по крайней мере не имеют прочности, не имеют прочного значения, не могут быть на долгое время удержаны. И вот вследствие этого, английские рабочие в 30-х годах XIX-го века начинают уже политическую борьбу, и эта политическая борьба ведется под знаменем всеобщего избирательного права, под знаменем политических завоеваний, политических и демократичаских прав. При выборах в палату общин, в нижнюю палату английского парламента в 1822 г. была уже, правда, проведена парламентская реформа, но эта парламентская реформа давала власть и доступ в парламент только буржуазии, потому что она устанавливала определенный ценз. Конечно, и такая реформа являлась большим плюсом, но тем не менее она была очень далека от торжества демократии. И вот начинается движение, которое направлено было к тому, чтобы прежде всего подать петицию в палату общин от имени массы населения о необходимости введения всеобщего избирательного права. Ведется горячая кампания, которая сопровождается нередко столкновениями между борящимися партиями. Во время этой агитационной кампании удалось собрать рабочим огромное количество подписей под своей петицией, или хартией („чартер“, по английски), которая была покрыта

1.200.000 подписей. Поэтому, когда везли эту чартию в парламент, то этими подписями пришлось занять несколько экипажей, а так как эта петиция была центром всего движения, то и все это движение носит название чартизма.

Оуен. В этом движении ближайшее участие принимали английские социалисты из интеллигенции и главным организатором его был Роберт Оуен. Для того, чтобы дать победу этому чартистскому движению Оуен организовал единый рабочий союз, который должен был объединить все профессиональные союзы Англии и, действительно, объединил их. Он был однако не только союзом профессиональным, но и политическим, т. е. был направлен не только к завоеваниям экономическим, но и к завоеванию всеобщего избирательного права. И вот это то соединение профессиональных и политических целей, на основании неправильного понимания, какова должна быть цель организации профессиональных союзов, и повело на ряду с другими условиями к тому, что опыт Оуена политического и профессионального объединения всего рабочего класса потерпел неудачу. Организованные для борьбы экономической, английские профессиональные союзы не отвечали предъявленным к ним требованиям. Английские профессиональные союзы первой половины XIX-го века представляли собою объединения приблизительно такие же, какие у нас существовали до 1905 г., т. е. в каждом городе, в каждой профессии этого города были свои особые союзы, но профессиональный союз, скажем, металлистов данного города не были ни в какой связи с профессиональными союзами металлистов в других городах, точно также и союз рабочих, обслуживающих текстильную промышленность, и другие, — все не были централизованы, а несомненно, что для успеха профессиональной борьбы, для того, чтобы рабочие данной профессии могли выступать со своими требованиями и дружно их поддерживать и защищать, нужно было объединить всех рабочих в национальные союзы по профессиям. Оуен не так построил это дело. Он стал объединять все профессиональные союзы в один союз. Это было и технически неправильно. Можно говорить о таком объединении, но предварительно надо было сделать централизаторскую работу по профессиям в отдельности, и потому у Оуэна получился союз, не имеющий промежуточнаго звена, необходимого для того, чтобы вести экономическую борьбу, и безсильный в борьбе политической. Для политической борьбы нужна строгая организация политических партий, нужна стройная и строгая организация дисциплины, а этого не было в Оуеновском союзе.

Но помимо этого было еще обстоятельство, которое повело к тому, что первая вспышка чартизма в 30-х годах кончилась неудачей. Промышленности Англии удалось ликвидировать промышленный кризис, снова начался хозяйственный подъем, количество безработных уменьшилось, заработная плата стала подниматься, рабочий день уменьшаться и т. п. Борьба рабочих за увеличение заработной платы, уменьшение рабочего дня и т. д. стала успешной, и рабочие успокоились. Политические вопросы снова отошли на второй план, но

ктолько на время, и в 40-х годах они снова вследствие промышленного кризиса стали на очереди.

Во главе движения стали О'Брнен и О'Коннор. В английской, жизни на очереди были поставлены вопросы о политическом строе государства и об улучшении положения рабочих.

Еще раньше Оуен попробовал на практике осуществить утопические положения и сделал опыт так называемой производительной кооперации, т. е. товариществ трудящихся, которые могли бы общими силами, при распределении между собою труда, обладая на общие средства землею и средствами производства, получать всю прибыль в свое распоряжение, т. е. другими словами стать одновременно и предпринимателями и рабочими. Эти товарищества, являясь островками в капиталистическом море, должны были, действуя частично, насадить социализм. И в результате, по мнению Оуена, могло бы получится такое положение, что весь капиталистический мир был бы превращен в социалистический. Надо заметить, что предприятие Оуена кончилось неудачей между прочим и в силу того, что он сам обанкротился. Земля у него была отобрана, и его товарищество пришлось распустить. Но, во всяком случае, если бы оно и продолжалось, то, чего бы, как показывают дальнейшие опыты, можно было бы от этого ожидать? Между прочим, в этом отношении очень поучительны опыты так называемых молочных, сыроварных и маслодельных артелей. Едва ли бы Оуен получил те результаты, которых он ожидал, по той причине, что такие товарищества жили в капиталистических условиях, они должны были считаться с рынком, сами должны были выбрасывать на рынок товары и покупать, как средства производства, так и товары и предметы потребления у других капиталистических предприятий. И это общение с рынком носило в себе семена разложения. Приходилось испытывать и кризисы, и конкурренцию, все то, что связано неизбежно с капитализмом. А затем опыты, которые имели место у нас в России, показали, что всегда и во всех случаях фактически эти производительные товарищества превращались в частные предприятия, выделялась группа лиц, которые брали в свои руки всю организацию хозяйственной жизни, и товарищество сплошь и рядом перерождалось в обыкновенное капиталистическое предприятие не только нескольких лиц, но даже одного. Вероятно, такая же участь ждала бы и предприятие Оуена, и опыт такого частичного насаждения социализма не увенчался бы успехом.

Другое обстоятельство облегчило положение рабочих. К 40-м г. и, главным образомк 45 г., относится постановка вопроса, вызвавшего массовое рабочее движение в Англии, именно правильно поставленная демократическая потребительная кооперация. Потребительная кооперация расчитана на то, чтобы путем складчины покупать на рынке товары непосредственно из первых рук и даже заводить свои производства, чтобы по возможно низким ценам получать продукты хорошего качества и распределять их между своими членами и даже продавать на сторону. Эта кооперация в новом демократическом пра-

вильном виде впервые возникла в городе Рочдэле и носит название рочдэльской. Рочдэльские пионеры, т. е. инициаторы, начинатели этого дела, ввели в обиход несколько правил, которые с тех пор сделались незыблемыми для правильно устроеной потребительной кооперации. Главные из этих правил такие: потребительные кооперации обязаны продавать товары по средней рыночной цене, а вовсе не в убыток себе или по очень пониженной цене,—этого не должно быть, это не создает экономической прочности. Затем делить излишек прибыли надо не в качестве прибыли на паи, это вопрос второстепенный, а в качестве так называемой премии на забор, т. е. на каждый рубль цены забранного товара. И, наконец, третье правило—безусловная демократичность, т. е., каждый член может иметь известное количества паев, но голос в общих собраниях он имеет не как в акционерных предприятиях капиталистического типа, не по количеству паев, а непременно один только голос, т. е. не имеет перевеса над другими,—здесь мы видим равенство голосов. Есть и другие второстепенные правила, но я указал только главные.

Рочдэльская кооперация получила прочный фундамент и стала распространяться в городах и местечках Англии, облегчая экономическое положение рабочих. Под ея влиянием, политическое движение английского рабочего класса стихло и, как будто задавшись более существенной реформой, экономической, сошло на нет.

Франция первой половины XIX в.

Вот что можно сказать об английском рабочем и социальном движении первой половины XIX-го века. Совсем иначе шло рабочее движение в другой передовой стране тогдашней Европы, именно, во Франции. Для того, чтобы понять, как оно шло и почему, для этого нужно понять, надлежащим образом, экономическое развитие Франции. Франция в начале XIX и в конце XXIII веков, как известно, сделала попытку выступить конкуррентом Англии на мировом рынке.

Французская революция дала власть французской буржуазии и, пользуясь этой властью, буржуазия поставила своей задачей завоевание определенных экономических выгод и, прежде всего, завоевание мирового рынка. Она поставила себе вопрос о соперничестве с английской буржуазией, которая была монополистом на мировом рынке. Наполеоновские войны начала XIX-го века являются, в сущности войною между французской и английской буржуазиями. Все другие страны, можно сказать, были в услужении у этих двух передовых буржуазий, которые хотели оспорить друг у друга мировое господство. Вам, вероятно, известно, что Наполеон в этих войнах очень больно ударил по английским капиталистам тем, что ввел так называемую континентальную систему или континентальную блокаду, т. е. всякое государство, которое было побеждено Наполеоном, во время этих войн, обязано было заключить особый торговый договор с Францией, по которому устанавливались очень низкие пошлины для французских товаров. Что же касается товаров английских, то они или облагалась с непомерными пошлинами, или даже совершенно запрещалась торговля с Англией, вывоз в Англию туземных товаров и ввоз английских. Этим путем Наполеон хотел отнять у Англии

важнейшие ея рынки на материке Европы, и это в значительной степени ему удалось: этим Англия была сильно уязвлена.

Но надо заметить, что другие сравнительно отсталые страны Европы, как Пруссия, Австрия, скандинавские государства и, наконец Россия, все они очень сильно страдали от континентальной системы, и. ч. нуждались в сбыте своих сельско-хозяйственных товаров и своего сырья, а Франция сама была богата сырьем и сельско-хозяйственными продуктами, Англия же всегда нуждалась в них. Поэтому естественно было вывозить в Англию, а не во Францию, потерять же английский рынок, значило потерять почти все. Вот почему континентальная система, являясь насилием, как таковое, не могла долго продержаться. При первой возможности буржуазии всех стран, или дворянство всех стран присоединилось к противнику Наполеона, именно к Англии. Вот почему в конце-концов английский капитализм победил французскую буржуазию. Англия вернула себе утерянные позиции и с тех пор сохраняла долго за собою положение монополиста на мировом рынке. Французские капиталисты, правда, сохранили свою самостоятельность, обезпечили себе свой рынок, а для некоторых товаров даже мировой, но быть соперником Англии оказалось им не под силу. Поэтому французский промышленный капитализм усвоил постепенную медленную форму развития.

Для поддержания его приходилось подчас применять очень крутые, суровые меры, особенно после июльской революции, когда утвердилась июльская монархия. С реставрацией Бурбонов, с воцарением Людовика-Филиппа вся власть целиком перешла из дворянских рук в руки богатой буржуазии, и лозунгом тогдашнего министра Гизе было обогащение буржуазии, т. е. надо было во что бы то ни стало получать колоссальные прибыли. И мы, действительно можем наблюдать во Франции 30 и 40 г.г. развитие хищнического капитализма и самую беззастенчивую эксплуатацию рабочего класса и потребителей. Это обстоятельство на ряду с тем, что рабочий класс во Франции не имел политических прав, на ряду с тем, что Франция не являлась монополистом на мировом рынке, и французским капиталистам невыгодно было уступать рабочим, подобно тому, как уступали им английские капиталисты, французское рабочее движение приняло крайне обостренные и крайне резко выраженные политические формы.

Вот что получилось в результате особенностей экономического развития Франции. Вследствие этого и интеллигентский социализм во Франции того времени заработал усиленно, заработал чрезвычайно напряженно и мы видим здесь целый ряд социалистов-теоретиков из интеллигенции. В то время, как в Англии напряжение социальной мысли пошло в сторону развития профессиональных союзов, во Франции это движение вылилось в политическое движение, которое и привело в конце-концов к революции февральской, к революции 1848 г. Я не буду останавливаться на этом движении, потому что известно, что оно выразилось в низложении Людовика Филиппа и в провозглашении республики, очень непродолжительной потому, что

появился Наполеон III, установивший свою империю. Произошло это в силу отсутствия общественной организации, или вследствие того, что рабочий класс остался изолированным, одиноким, не успев войти в союз с крестьянством и потому не был достаточно сильным, чтобы удержать за собою власть. Это поражение рабочего класса выражало собою поражение революции. Но в области интеллигентской теории уже делались опыты не только теоретические, но и практические в определенном направлении. Об этих опытах теоретических и практических мы и должны поговорить.

Фурье.

Прежде всего обращают на себя внимание труды интеллигентных представителей социализма этого времени. Между этими представителями следует отметить двух: Фурье и Кабе. Что касается Фурье, то он по положению своему принадлежал к приказчикам большого торгового дома и вот, именно в силу своего социального положения, он проникся глубокой ненавистью к торговцам-капиталистам, эксплуатацию которых ему пришлось испытать на собственной шкуре. Они и были для него величайшими врагами. Поэтому главные стрелы своей критики капиталистического общества он обращал именно против торговцев.

Он не только критиковал существующий капиталистический строй и отвергал его основание, но в разных своих сочинениях построил план идеального общества. Он полагал, подобно Оуену, что необходимо насадить в существующие капиталистические хозяйства совершенные общества, социалистические ячейки, и что эти ячейки, слившись между собою или об'единившись общими целями, общими силами в состоянии будут, известным образом, преобразовать все хозяйство, весь общественный строй. Эти основные ячейки, долженствующие насадить социализм, получили у Фурье название фаланг. Каждая фаланга содержит в себе определенное количество лиц от 400 до 2000 человек. В собственности фаланги должны находиться прежде всего, конечно, средства производства, т. е. земля, строения и орудия производства, орудия труда, можно сказать: земля и капитал. Что же касается распределения доходов, то прежде всего отделялась из доходов, получаемых каждой фалангой, часть на общие потребности. Эта часть доходов носит название предназначенной на социальное страхование. Тут имелось в виду не страхование отдельных лиц, а главным образом оказание помощи устройству новых фаланг, а затем из этой части доходов делались все отчисления, которые нужны для общественных целей. Остальные доходы должны были распределяться между трудом, капиталом и талантом, именно половина всего остального дохода должна была доставаться труду, $^1/_6$ капиталу, т. к. нужно было найти деньги на учреждение фаланг, и, наконец, одна треть—таланту, т. е. тому, кто, трудясь физически, вместе с тем был особенно талантлив; он получал, таким образом, добавочный паек. А капиталист, который вместе с тем был членом фаланги, получал определенный процент на деньги, которые он внес на организацию фаланги.

От каждой личности, входящей в состав фаланги, Фурье требовал труда сообразно с ея способностями; он считал, что нельзя человеку заниматься всяким трудом и работа неискусного человека для общества неполезна, т. е. не так полезна, как работа специалиста, который знает свое дело и обладает известной выучкой.

Затем он сохраняет и частное имущество. Он считает, что если средства производства составляют общественную собственность, то, во всявом случае, предметы потребления могут быть в частном пользовании и частной собственности. Не следует разрешать продавать их, но каждый может даже в пределах фаланги устраивать себе свой образ жизни, как предписывают ему собственная склонность и собственный вкус.

Сама фаланга управляет, конечно, всем хозяйством, но обходится совершенно без торговли, а меняется с другими фалангами предметами своего производства. Фурье думал, что путем об'единения фаланг между собою возможен союз фаланг всей Франции, а потом и мировое международное об'единение.

Вот как строил Фурье свой план Но он не ограничивался только теорией в своих многочисленных сочинениях, он вместе с тем пытался практически осуществить этот план. Был основан целый ряд фаланг, в которых пробовали вести хозяйство по правилам Фурье Надо заметить, что все эти опыты имели непродолжительное существование и кончили тем, что распались.

IV.

Кабе.

Фурье умер в 1837 году. Три года спустя, в 1840 году, вышло сочинение Кабе „Путешествие в Икарию". Икария—это фантастический остров, на котором будто бы существует государство, являющееся идеалом социалистического государства или общества. Государство, нарисованное Кабе в его „Путешествии в Икарию", было изображено в увлекательно-написанном романе, для того, чтобы привлечь как можно большее количество читателей. Подобно тому как Оуен, Кабе пытался сперва теоретически обосновать свои положения, а затем уже пытался осуществить их на практике. Такие попытки организации социалистических обществ повторялись неоднократно как во Франции, так еще больше в Америке, в Соединенных Штатах, куда переселился целый ряд эмигрантов из Франции.

Новое положение, которое Кабе проводил в своем „Путешествии в Икарию", — это безусловное равенство. Все люди—братья, и это равенство и братство Кабе выводит из молитвы „Отче наш". Он говорит: раз все люди называют Бога отцом, то совершенно ясно, что все люди—братья, и на этом равенстве построена вся схема устройства этого социального государства. Тут, действительно, не только люди, но все равно. Согласно плану, похожему на план Мерелли и других, все государство делится на ето приблизительно равных провинций; в каждой провинции существуют 10 приблизи-

тельно равных общин, так что общин, значит, тысяча во всем государстве, в середине каждой общины находится город и 8 деревень приблизительно на равном разстоянии от этого города и ряд отдельных дворов, равномерно расположенных по всей территории. Симметрично таким образом устройство всего государства, отдельных провинций, отдельных общин, симметрично же и устройство каждого города. Все города построены по одному образцу и похожи друг на друга, как две капли воды. Одежда, жилище и пища каждого члена этого социалистического общества точно определены в национальном собрании. Работа общая, причем она обязательна для мужчин в возрасте с 18 до 65 лет, а женщины должны работать от 17 до 50 лет Работа, говорит Кабе, чрезвычайно легка в Икарии. Почему? А потому что имеются огромной силы необыкновенно усовершенствованные машины, так что сила этих машин равна сил 3.000.000.000 человек Вознаграждение равно. Работа продолжается летом 7 часов, зимою 6 часов.

Что касается детей, то они воспитываются общественным порядком, для них установлено общественное воспитание, причем и на физическое и на умственное образование обращается одинаковое внимание. Для охраны этого социалистического государства от покушений со стороны—устанавливается всенародная милиция и всенародное вооружение. Весь народ становится на защиту этого государства. Для того, чтобы заключить брачный союз, предлагается жениху и невесте в течение 6 месяцев сначала хорошенько изучить характеры друг друга и только после этого шестимесячного предварительного искуса разрешается вступать в брак.

Все граждане и гражданки имеют и пассивное и активное избирательное право, пассивное — быть избранными, активное — выбирать в национальное собрание. Национальное собрание состоит из 2000 депутатов, избираемых всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием; из них половина возобновляется каждый год, следовательно, каждый депутат исполняет свою должность в течении двух лет, но только половина депутатов является новыми. Для принятия важнейших законов устанавливается референдум, т. е. голосование всего народа поголовно. Во главе исполнительной власти стоят президент и совет из 50 человек, из которых опять-таки половина ежегодно меняется. Для местного управления существуют сто провинциальных и тысяча коммуниальных должностей. Все обязанности этого правительства местного и центрального заключаются исключительно в ведении хозяйства, так как никакая принудительная власть совершенно ненужна для этого государства.

Что же касается религии, то Кабе об'явил, что настоящей религией является первоначальное христианство, учение Христа в том виде, как он первоначально его проповедывал, т. е. именно то христианское учение, которое предполагает имущественное равенство и т. д. Он думал, что на своем острове Икарии он изобразит такую первобытную, первоначальную христианскую общину так, как ее представлял Христос.

Я уже говорил, что учение Кабе не осталось только в теории. Кабе да и некоторые последователи его приложили все усилия для того, чтобы провести его в жизнь, и немало было основано общин как во Франции, так еще больше в Соединенных Штатах, где они дольше всего держались. И вот исследователи американскаго социалистическое движения об'ясняют это тем, что некоторыми своими чертами это учение сближается с разного рода сектантскими обществами, получившими такое широкое распространение в Америке. Именно религиозные сектантские общества являются особенно прочными, а религия не чужда была и обществам Кабе. Эти икарийские общества держались сравнительно дольше других, но и они не привели к желанным результатам, и это обстоятельство лучше всего свидетельствует, что утопическая мысль, которая имеет в виду внедрение социализма по частям в капиталистическое общество, не имеет под собою реальной почвы. Все опыты, которые делались в этом направлении, неизменно кончались неудачей.

Сен-Симон.

Затем мы видим в той же Франции возникновение социалистического учения, которое в значительной степени, по крайней мере, у его основателя, носило уже в себе элементы научного социализма, которое опиралось уже не на рационалистический принцип, не на те рассуждения, которые служили основанием учений Фурье, Кабе и Мерелли и еще ранее их живших утонистов, в том числе и Платона. Оно возникает главным образом на реальных исследованиях условий жизни, на том, чтобы, опирась на понимание законов общественной жизни, построить на них основы будущего общества. Это мы видим в зародыше в учении Сен-Симона и его учеников Анфантена и Базара, которое окозало такое влияние на развитие социализма, и которым много пользовались Энгельс и Карл Маркс. Поэтому особенное внимание с нашей точки зрения заслуживает сен-симонизм, на котором теперь и остановимся.

Сен-Симон умер еще в 1825 году, т. е. жил и работал гораздо раньше, чем Фурье и Кабе, и именно когда он жил и работал, тогда французский капитализм сделал наиболее сильный порыв вперед, пытаясь завоевать для себя весь мир. Лучшие годы деятельности Сен-Симона приходятся на царствование Наполеона I и Людовика XVIII. И вот когда французский капитализм еще не потерпел неудачу, тогда и были опубликованы Сен-Симоном те выводы, которые имеют особую важность для истории социализма.

Сен-Симону прежде всего принадлежит, как известно, известное понимание всей общественной жизни. Я уже указывал, что с точки зрения Сен-Симона все исторические эпохи разделяются на два разряда, одни эпохи—органические, как он их называет, другие—критические. Органические—это эпохи медленного, постепенного развития под влиянием постоянно действующих общественных условий, критические же эпохи это такие, когда происходит перелом общественной жизни, революция, как мы теперь выражаемся. Изучению закономерности общественных явлений, конечно, не первый Сен-Симон поло-

жил начало. Уже Монтескье много сделал в этом направлении. Во всяком случае Сен-Симону принадлежит здесь видная роль.

Кроме того Сен-Симон пришел к выводу о том, что различные периоды в жизни человечества отличаются друг от друга определенной, как он говорил, религией. Но это представление о религии не имеет ничего общего с религией в понимании того массового социального движения, которое хотело вернуться к первоначальному христианству. С точки зрения сен-симонистов религия—все равно, что миросозерцание, мировоззрение, т. е. каждой эпохе, каждому периоду свойственна определенная идеология и психология.

Дальше он пришел к выводу, что психология питается, в значительной степени, социальными условиями эпохи, диктуется ими. Эта мысль имела огромное значение и в этом смысле заслуга Сен-Симона громадна.

Затем дальше он сделал еще важный шаг вперед. Он пришел к заключению, что в обществе нужно различать отдельные общественные классы в зависимости от их экономического положения. Экономическое положение диктует и определенное мировоззрение, определенную религию, как он выражался. И с этой точки зрения Сен-Симон ввел деление, только несовершенное. Это несовершенство вполне понятно, если всмотреться в те условия жизни, в которых жил Сен-Симон. Буржуазия его времени соперничает, главным образом, с дворянством, представлявшим землевладельческий класс. Поэтому он строго различает дворянство, как старый непроизводительный класс общества с одной стороны, а с другой противопоставляет этому дворянству индустриалов, как он их называет, т. е. всех, кто занимается индустрией, обрабатывающей промышленностью. Под индустриалами он разумел одинаково и предпринимателей, и рабочих и соединял их в одну группу. Позднее у него появляется классовое различие, он начинает разделять предпринимателей и рабочих. Но все-таки в целом он не проводил достаточно резкой грани между ними. Мысль о том, что индустрия есть главная организующая сила будущего общества, мысль в высшей степени плодотворная, показывающая, какой силой был Сен Симон. На этом основании он и высказывал мнение, что путем развития индустрии, путем применения ея возможен переход к будущему социалистическому обществу. Для этой цели, по его мнению, нужно проповедывать новое христианство, как он говорит, мораль нового нравственного учения, в котором новым правилом является помощь бедным. Это и есть основание будущего общества. Он верил, что можно убедить богатых в необходимости этой помощи. Конечно, это было наивное убеждение, но здесь он отдал дань тому утопическому течению, которое в то время еще господствовало во Франции.

Учениками его были Анфантен и Базар, которые после его смерти разработали его систему и привели ее в порядок, что было существенно необходимо. Сен-Симен жил сплошь да рядом в крайней нужде, хотя сам он был одно время человеком богатым и принадлежал к аристократической, графской фамилии. Но он не умел со-

хранить состояния, он был энтузиастом, он все время горел идейным огнем, желанием общественной работы, все время стремился найти идеальное общество и пускался от сочинения к сочинению. Поэтому у него и не получилось стройной системы. Анфантен и Базар привели в порядок отдельные выводы Сен Симона, переработали его учение в цельную систему; главная заслуга, которая принадлежит в особенности Базару, заключается в том, что он высказывался против казарменности, против общности предметов потребления. Он считал, что социалистическое общество вовсе не предполагает, чтобы люди были похожи друг на друга как две капли воды, чтобы они были вырезаны по одной мерке. Ничего подобного. Он разсматривает вопрос так, что социализм, который уничтожает классовый строй, должен напротив содействовать развитию человеческой личности, т. е. личных, духовных свойств каждого отдельного человека. Поэтому он находил, что ни в какой мере нельзя стеснять индивидуальные потребности. Имущество должно быть сохранено, обобщены должны быть средства производства, земля, машины, орудия, материалы. Вот в чем он видел задачи социализма. Он думал, что путем обобществления средств производства можно создать свободное общество и воспитание в общественном духе, и таким образом социализм будет расцветать.

Что касается Анфантена то он воспринял религиозный характер сен-симонизма и в особенности развил этот религиозный момент его учения. Он отдалился от Базара, его общества представляют собою некоторое подобие религиозных общин. У него было много увлечений другого рода, которыя дискредитировали его учение. Он проповедывал свободную любовь и договорился до безпорядочных половых отношений. В конце концов он имел все меньший успех и был совершенно дискредитирован своими увлечениями в эту сторону.

Луи Блан.

Сен-Симон важен для нас не как представитель практического социализма, а именно, как теоретик социализма научного. В этом же направлении, в той же стране работал ещё один представитель интеллигентского социализма, который жил не только в первой, но и во второй половине XIX-го века, именно Луи Блан. Он был одним из основателей экономического понимания истории. Он сам стоял на этой почве в своих „Истории французской революции“ и „Истории десяти лет“. Он составил практический план, как следует, по его мнению, насаждать социализм. Луи Блан пришел к убеждению, что без помощи государственной власти социализм не может быть практически осуществлен. Это отличительная, основная черта его учения. Многие предшествующие теоретики социализма трактовали какие то отвлеченные общества, существовавшие в их фантазии на каких то островах, и ждали их осуществления от развития морали и просвещения. Блан пришел к заключению, что только государство может создать настоящий социалистический строй, и составил план так называемых общественных мастерских. Эти общественные мастерские должны быть основаны правительством во всех странах промышленности для регулирования обществом и государством всего производ-

ства, всех хозяйственных планов. Он признает классовую борьбу, но не видит в ней средства для победы социализма. Этот план Блана был использован во время революции 48 года, но выполнение его было передано не самому Блану, а противнику его плана и противник этот сделал все возможное для того, чтобы дискредитировать этот план. В конце концов оказалось, что производительность общественных мастерских самая низкая, что рабочие там превращаются в потребителей, живущих на счет государства, и общественные мастерские были закрыты.

Христианский социализм.

В дополнение к тому, что я сказал относительно третьяго периода развития социализма следует еще упомянуть об одном побочном движении, которое по существу носило консервативный характер, но прикрывалось именем социализма. Это так называемый христианский социализм. Когда во Франции в силу тех условий хозяйственных и политических, о которых только что шла речь, произошло развитие рабочего движения, когда оказалось, что политическое движение получило широкое распространение, и социалистическое учение пышным цветом расцвело, и был сделан целый ряд социалистических опытов, то консервативные круги французского общества испугались и попытались регулировать политическую температуру, приняв участие в движении. Но подобные попытки, как известно, долго держаться не могли. В среде консервативной группы появилась мысль, что надо победить социалистическое движение его же собственным оружием т. е. устоением того, что важно и что придает такую прелесть и заманчивость в глазах масс и интеллигенции этому социальному учению, но вместе с тем стараться обезвредить его.

Впоследствии наиболее типичным представителем идеи христианскаго социализма был, как известно, папа Лев XIII; но идейным основателем его был очень искренний и демократически настроенный человек, который начал с консервативных, реакционных воззваний, но именно в силу своей искренности и чистоты душевной перешел на сторону своих противников. Таким чистым человеком, идейным основателем христианского социализма был аббат Ламенне, уроженец одной из самых отдаленных и глухих провинций Франции, именно Бретани. Ламенне высказывался за то, что религия,—и здесь он совершенно сближается с Мелье,—сделана была богатым и орудием угнетения бедных. И поскольку это было так, он отвергал эту религию. В конце концов, будучи верующим католиком, он стал отвергать папскую власть и впал в немилость у папы. Он высказал мнение, что религия должна служить интересам демократических масс, и вот в этом соединении демократических и религиозных принципов он видит спасение существующего общества, то, что составляет, по его мнению, сущность христианского социализма. Он верил в грядущую победу правды и любви на земле и высказывался за все гражданские свободы. И это делал человек, который начал с самых реакционных воззрений, потому что воспитывался в католической школе и жил в консервативной помещичьей среде. Но он все это преодолел. Главное, что он ценил в свободе, были духовная свобода.

Он высказывался за братство, любовь и против каких бы то ни было, насильственных действий в деле утверждения социализма. Он думал, что можно утвердить братство на земле и дележ богатых с бедными, и в этом его учение, блестяще было им изложенное в целом ряде книг, было противоположно тому социалистическому учению, которое все больше и больше распространялось в Европе. Это было средство, которое испробовано было правящими классами для защиты своего положения, но безрезультатно.

Я не буду останавливаться на истории развития утопического социализма в Германии и других странах. Не буду останавливаться на Вильгельме Вейтлинге, п. ч. он не внес ничего оригинального в утопический социализм, и понятно почему. Он не в состоянии был внести что нибудь новое по той причине, что Германия первой половины XIX-го века находилась в еще более примитивных, первоначальных условиях развития капитализма, чем даже Франции. Там была только торговля, капиталистическая промышленность отсутствовала.

Характер третьяго периода.

Мне остается теперь дать общую характеристику третьяго периода в развитии социализма. Этот период дал ряд важных теоретических приобретений в деле правильного понимания общественных явлений. В этом отношении больше всего дал Сен-Симон. У Сен-Симон мы встречаем далее элементы классовой теории, той теории, которая учит, что современное капиталистическое общество распадается на классы, интересы которых противоположны, и между этими классами происходит ожесточенная борьба. Затем третьим приобретением этого периода является твердое убеждение уже всех социалистов, что необходимо, чтобы широкие народные массы путем пропаганды достигли необходимой степени сознательности, чтобы они не руководствовались только инстинктами, бессознательными влечениями, но чтобы у них было ясное и твердое понимание социализма и того, какими средствами можно его достигнуть. Вот что было результатом этого третьяго периода развития социализма. Далее чрезвычайно важной считаю ту идею, которая в особенности проводилась сен-симонистами, что для социализма первенствующую важность имеет вовсе не общность средств потребления, т. е. не казарменный строй жизни, а такое значение имеет общность средств производства, что сущность социализма заключается именно в обобществлении земли и средств производства и капитала не только денежного, но всего того, что необходимо для того, чтобы производить предметы потребления. Это приобретение очень важно, п. ч. оно переносило центр тяжести не на потребление, а на производство. В этом основание всего народного хозяйства.

Затем дальше третий период в области практического применения социалистических теорий дал ряд опытов производительных ассоциаций и общественных мастерских. Опыты эти производились Оуеном, Фурье и Кабе, фалангами и икарийскими обществами, и, наконец, мы имеем опыт общественных мастерских, которые проводились Луи Бланом. Но мы не должны забывать, что если в личной, частной жизни человек учится благодаря ошибкам, то для широких масс населения и

в частности для социалистически настроенной интеллигенции имеют огромное значение эти примерные уроки. Опыты третьяго периода на практике научили социалистов всех стран, что попытки частичного внедрения социализма в капиталистические общества обречены на неудачу. В этом смысле предметный урок, данный третьим периодом, был в высшей степени ценным.

Затем мы видим другое положение, то, что начинается массовое фабричное движение. Оно уже наблюдается в Англии, где оно вылилось в форме профессиональных союзов, а затем кооперации; там, действительно, кооперация расцвела пышным цветом. Там медленно и упорно в качестве пионеров рабочего движения выступили английские рабочие, английский пролетариат, который пробовал новые пути. И надо заметить, что монопольное положение Англии давало возможность рабочим не строить воздушныезамки, но медленно и упорно итти к намеченной цели организации и сознательности. Что касается Франции, то там, движение, в значительной степени, принимало, так называемый бланкистский характер. Это желание одним переворотом перескочить от буржуазного общества в царство свободы, в социалистическое общество, сразу путем восстания достигнуть максимума. В этом заключается одна из причин, вызвавших французскую революцию 1848 г. Что касается рабочей кооперации первой половины XIX века, то она была во Франции еще в пеленках. Из отдельных ея представителей можно назвать Бюшеза.

Половина XIX века, 1848 г, есть год перелома в истории всех европейских стран. С 1848 г., начинается быстрое развитие уже не хищнического, а так наз. культурного капитализма, который отличается от хищнического вовсе не тем, что смягчает классовые противоречия, этого нет, но он эксплуатацию ведет более культурными средствами и способами, в силу организованности рабочих. Вот почему мы должны теперь, переходя к последнему, четвертому периоду развития социализма, познакомиться с массовым рабочим движением XIX-го века, второй его половины, с различными видами и формами, которые принимало это движение в разных европейских странах в зависимости от условий их экономического развития.

V.

Маркс и Энгельс. Чартистское движение в Англии и развитие социалистической мысли во Франции в первую половину XIX века закончилось в 40-х годах XIX века. К этому же самому времени, к началу 40-х годов, относится начало деятельности основателей научного социализма— Маркса и Энгельса, которые далеко не принадлежат одной Германии. Можно даже сказать больше: если бы Маркс и Энгельс всю свою жизнь прожили в Германии в стране капиталистически отсталой, то, вероятнее всего, они не сделали бы того вклада в развитие социалистической мысли, который они сделали в действительности. Дело в том, что, как я указывал, Германия была капиталистически отсталой

страной и ни в какой мере не могла дать надлежащий материал для научной работы в такой степени, как ее выполнили Маркс и Энгельс, и только целый ряд счастливых в этом отношении обстоятельств — и счастливых в общем смысле, но отнюдь не в личном — сблизили Маркса и Энгельса с передовым капитализмом. Большая часть жизни Маркса прошла как раз в самой передовой капиталистической стране того времени—в Англии. Вы знаете, и я уже на это указывал, что Англия к половине XIX века представляла собой страну, в которой переход к культурному капитализму уже совершился. Капиталистическое развитие ея было единственным по своему размаху во всем мире, и потому именно наблюдение за экономическим бытом Англии обогатило Маркса материалом и дало ему возможность сделать те обобщения, к которым он пришел. Продолжая историю рабочего движения, я должен теперь остановиться на теории научного социализма, как он выразился в учении Маркса и Энгельса.

Маркс родился 5 мая 1818 года в Трире, в еврейской семье адвоката, который в 1824 году, т. е. через 6 лет после рождения сына, принял протестантство. Семья была зажиточной и культурной, и Маркс получил хорошее образование. Он кончил курс в Берлинском университете, изучая там право, историю и философию, и хотел посвятить себя научной работе, хотел быть приват-доцентом философии. Но немецкое правительство, в частности — прусское правительство того времени, было самым реакционным правительством в Европе, если не считать правительства русского, возглавляемого Николаем I,— оно помешало утверждению Маркса приват доцентом и, в конце-концов, ученая карьера была закрыта для Маркса. Но, разумеется, это не помешало ему идти дальше. На самом деле, ведь свет и во тьме светит и пожалуй, даже во тьме он горит ярче. И вот, несмотря на то, что Маркс профессиональным ученым не стал, он оставил глубокий след в истории философии, социологии и политической экономии. Вот, мы и должны теперь осветить все эти стороны его деятельности, понять внутреннюю связь между его теоретической и практической работой, потому что всякая деятельность великого человека в частности деятельность выдающагося ученого, всегда тем и отличается, что она представляет собой нечто единое, связное во всех своих частях, не заключает в себе самой никаких внутренних противоречий. Осветить это внутреннее единство и составляет одну из наших необходимых задач. Там, где нам кажется хаос, мы видим, как в руках выдающагося ученого, под влиянием его трудов, получается напротив порядок, стройность и гармония. Этот порядок, стройность к гармонию, как они выразились в теории Маркса, мы и должны осветить.

Исходным пунктом всего учения Маркса, всего его построения, является его социология, так называемое экономическое или материалистическое понимание истории. Маркс высказал положение, что хозяйство, народное хозяйство есть базис, основание всей общественной жизни, а что касается других проявлений этой же общественной жизни, общественного строя, государственного строя, духовной куль-

туры, то они не более, как надстройки над этим базисом, как отражения тех хозяйственных явлений, которые происходят в жизни общества и составляют основу этой жизни. Развитие хозяйства влечет за собой перемену и в других отношениях, и ближайшим промежуточным звеном между хозяйственной жизнью и всеми другими сторонами общественной жизни является понятие классовой борьбы, классового деления, классовых интересов. Всякое общество, говорит Маркс, покоится на классовых основах, возникает и развивается вследствие того, что в нем существуют отдельные экономические группы с определенными хозяйственными интересами, т. е. из борьбы этих классов и получается весь ход дальнейшего развития. Эта борьба классовых интересов обнаруживает, между прочим, то положение, которое переживает тот или иной хозяйственный строй. Хозяйственный строй каждого общества, в тот или иной период его существования крепок лишь до тех пор, пока он содействует дальнейшему развитию этого общества. Как только он перестает выполнять эту свою функцию, это свое предназначение, как только хозяйственный строй перестает быть прогрессивным явлением, как только он окажется настолько устарелым, что является не содействующим, а, напротив, препятствующим дальнейшему развитию общества, задерживающим то развитие, как только он, другими словами, себя изживает, — он должен быть сменен новым хозяйственным строем, и вместе с тем у власти является новый класс. В прошлом было господство дворянства, когда господствовало крепостное хозяйство, затем наступил перелом в сторону капиталистического хозяйства; когда крепостное хозяйство себя пережило, перестало удовлетворять прогрессивные потребности общества. Тогда на́ смену ему наступило капиталистическое хозяйство, и класс, ставший у власти, стал носить название буржуазии, капиталистического класса. На смену капитализму должен наступить новый общественный строй и новые хозяйственные отношения. Как только капитализм станет препятствовать дальнейшему развитию производительных сил, как только он, вместо того, чтобы содействовать этому дальнейшему развитию, будет задерживать его, он должен быть признан изжитым, и на смену класса, который ведет капиталистическое хозяйство, на́ смену буржуазии, должен встать другой класс, который должен основать новое социалистическое хозяйство и общество. Этот новый класс есть пролетариат, рабочий класс. При этом Маркс различал два рода, два периода, подобно Сен-Симону,—период органического развития и период критический, период революции. В то и другое время, в периоды революции и реакции, мы наблюдаем несомненную классовую борьбу. Но революция, в частности, есть переход власти из рук одного класса общества в руки другого класса, есть тот поворотный пункт, когда ликвидируется старый хозяйственный строй, старые общественные отношения, когда старый господствующий класс отступает на второй план, и на смену ему выступает новый господствующий класс.

Вот, если мы сравним эту социологическую теорию с предшествующими социологическими учениями, мы заметим, что только у

Сен-Симона и затем у Томпсона, английского Сен-Симона, мы видим тоже некоторые зародыши тех идей, которые развивали Маркс и Энгельс. Сен-Симон различал отдельные эпохи, критическую и органическую, ему также было не чуждо понятие классовой борьбы и хозяйственных интересов, но это у него слабо развито, не до такой степени, как у Маркса. У него не развито понятие об об'ективной ценности той или иной хозяйственной формы, а, с другой стороны, теория классовой борьбы, классовых интересов не была доведена до логического конца. Он эту теорию классовой борьбы, классовых интересов, затемнял в значительной степени тем, что у него не было правильного различения между отдельными слоями индустриалов, как он называл людей, занятых обрабатывающей промышленностью, т. е. предпринимателями и рабочими. В этом отношении Маркс пошел дальше и довел до конца эту теорию.

Затем, если мы сравним еще более ранние социалистические учения с социологическим учением Маркса, то увидим, что тут разница уже глубокая, доходящая, можно сказать, до противоположности. В самом деле: ведь в старых учениях не классовые интересы были главной двигающей силой, в утопических учениях социалистов главной двигающей силой с их точки зрения были просвещение и нравственность. Они думали, что не классовые интересы и борьба есть основная пружина всех общественных действий, всех перемен, совершающихся в обществе, а именно просвещение разума и развитие нравственного чувства. Между тем, просвещение разума и развитие нравственного чувства есть прямое следствие определенных материальных условий исторического развития, и не надо забывать, что никогда еще не было случая, когда просвещение разума достигало такого уровня развития, при котором массы могли бы действовать не по инстинкту, не по слепому влечению чувства, а именно по рассудку и рассчитывая не только ближайшие, но и отдаленные последствия своих идей.

Затем, теория Маркса отличается не только от утопических учений старых социалистов, но и от того течения общественной жизни, на котором я не намерен останавливаться в своем изложении,—от анархизма. Анархизм проповедывал, как известно, уже на деле, на практике, полное разрушение всего существующего строя. Он предполагал отдельные общины или коммуны, не связанные между собой в своем ведении хозяйства общим планом, он отрицал планомерное ведение хозяйства, другими словами, фактически переходил в состояние той же капиталистической анархии, потому что, если мы уничтожим планомерное общее хозяйство, то отдельные хозяйственные группы должны будут вступить в конкурренцию между собой и борьбу.

Затем важная сторона дела у Маркса еще та, что, по его мнению, в социалистической теории и практике первенствующее значение имеют вовсе не задачи потребления, не задачи распределения и потребления, а задачи обобществления средств производства. Здесь опять таки Маркс является продолжателем и завершителем теории Оен-Симона. Это утверждение, что центр в производстве, а не в по-

треблении, влечет за собой вывод, который имеет громадное значение. Свободное потребление по вкусу каждого, по потребности и развитию свободной личности, выставлялось Марксом, как идеал будущего социалистического общества. Ближайшей задачей для достижения этой цели является обобществление средств производства, которые должны быть после своего обобществления планомерно использованы, причем следствием этого будет уничтожение классовой борьбы и классовых интересов, и должно возникнуть общее братство трудящихся.

Поэтому можно сказать, что если капиталлистическое общество характеризуется тремя чертами: 1) частной собственностью на средства производства, 2) отсутствием планомерности, анархизмом в ведении хозяйства и 3) классовой борьбой и делением на классы с противоположными интересами, то социалистическое общество прямо ему противоположно. Оно 1) отличается тем, что средства производства, орудия, машины, материалы, представляют собой собственность всего общества, что 2) не существует при этом анархии, а устанавливается планомерное общественное хозяйство, статистика учета потребностей и производимых ценностей, что составляет основу всей хозяйственной организации и 3) уничтожается всякое классовое различие, и на место его возникает равное в хозяйственном отношении общество трудящихся.

Это является камнем, основой и на этом камне построено все здание, стройное, последовательное, сооруженное грандиозно, возвышающее ум, поднимающее чувство и укрепляющую волю. Понять механизм общественной жизни значит уметь им владеть, стать господином природы и жизни. Это значит, как формулировал Маркс, „из царства необходимости перейти в царство свободы“. Вот, все эти основные положения социологии Маркса были им развиты в целом ряде его работ. Сюда относится прежде всего так называемый „Коммунистический манифест“ или „Манифест коммунистической партии“, изданный в 1847 году, когда Маркс должен был сделаться эмигрантом и переселиться сначала во Францию, а затем в Англию.

Когда он очутился в Лондоне, он вступил в небольшое общество, которое носило название „Общество коммунистов“. Это было социалистическое общество, и Маркс был его вдохновителем и от имени этого общества написал небольшую брошюру, которая носит название „Манифест коммунистической партии“. В этом небольшом произведении, которое должно быть настольной книгой для всякого, изложены основные идеи соцологического и коммунистического учения Маркса, и до сих пор оно является одним из наиболее ярких проявлений его идеологии. Кроме этого, он свое учение изложил еще в „Критике политической экономии“, вышедшей в 1859 году, и затем в исторических его сочинениях, в особенности в „18 брюмере Луи Бонапарта“ о том, как власть после 1848 г. в конце-концов захватил Наполеон III. В этих сочинениях он, между прочим, изложил свои социологические воззрения.

Если бы Маркс свел всю работу своей жизни к тому, чтобы обосновать свою социологическую точку зрения, то и так его заслуги

бинл бы очень велики. Но он не ограничился только этим. Он вместе со своим другом Энгельсом, съ которым он познакомился в 1844 году в Париже, сохранял дружеские отношения и работал совместно до самой смерти, т. е. до 1883 года, обратил внимание еще на две стороны жизни: он разработал еще философские основы марксизма или научного социализма, а, с другой стороны, он обратил особенно большое внимание на теорию политической экономии. Вот на этих сторонах совместной деятельности Маркса и Энгельса мы и должны остановиться.

Прежде всего, конечно, надо будет остановиться на философском учении. Я должен впрочем оговориться, что в главных чертах это учение было уже мной изложено в моей вступительной лекции, так что теперь я только вкратце напомню те результаты, к которым мы тогда пришли. Въ том введении, которое было преподано мной в курсе методики истории, я указывал, что современная наука философски обосновывает определенным образом, не только практически, не только посредством наблюдения за текущей работой в области истории, но и философски обосновывает именно экономическое понимание истории, исходным пунктом этого обоснования является учение Гегеля, который, будучи идеалистом, сторонником такого понимания жизни, в основу которого положено идеалистическое представление о том, что мировой разум приходит к самопознанию постепенно в исторической жизни человечества, сплошь и рядом, благодаря этому своему учению, не реальному, не научному, приходил в столкновение с фактами, и когда ему указывали на это, он доходил до того, что утверждал „тем хуже для фактов“. Но как ненаучны ни были эти его основы философии, все таки в них было много здоровых зерен, семян, которые потом должны были прорости и дать настоящую жатву. В высшей степени важно было его понятие об эволюции или развитии, или как это называл сам Гегель, о диалектическом методе. Именно потому что он проповедывал монизм, это единство, единый разум, он утверждал, что раз этот разум ест основа всей существующей в мире жизни, то развитие мировой жизни есть нечто единое, представляющее собой стройный процесс, который необходимо проследить. Вот этот монизм, этот принцип развития в высшей степени важны и ценны в учении Гегеля. Этот монизм был воспринят учеником Гегеля Фейербахом, который был представителем левого гегелианства, которое, как выражался Маркс, поставило на ноги то, что стояло на голове у Гегеля.

Гегель стремился обосновать всю действительность на почве идеалистической, самопознания мирового разума. Что касается Фейербаха, то он утверждал, что сущность мировой жизни заключается вовсе не в разуме, а в материи, в том. что имет вес и протяжение. Он воспринял учение Гегеля об единстве только на основе материи и развития материи по тем законам, которые проповедывал Гегель. Вот в чем заключалось учение левого гегелианства Фейербаха.

Маркс и Энгельс усвоили себе это учение Фейербаха и развили его дальше. Вслед за ним они провозгласили единство материи, как основу всего сущего, и необходимость считаться с выводами естествознания, выводами науки о природе тогда, когда речь идет о философском обосновании всей мировой жизни. Философию нельзя строить без внимания к выводам естествознания, и Энгельс провозгласил в своем сочинении „Людвиг Фейербах“ эту основную мысль. Маркс и Энгельс воспринимали естественно-научные идеи своего времени, не утверждая, что в будущем их последователи должны застыть на этом. Они провозглашали, как основной тезис, что надо в дальнейшем, при развитии естествознания, следить за новыми и усваивать их в философском обосновании действительности.

Но раз материя есть основа всего сущего, то ясное дело, что экономика должна быть основой всего обществознания, потому что экономика есть материя общественной жизни. Здесь именно, в хозяйстве, усваиваются те материальные основы, на которых строится вся общественная жизнь.

Здесь важно то, что в преемственности от Гегеля через Фейербаха. Маркс и Энгельс пришли к выводам, которые делают философию самой обобщающей из всех наук, соединяющей в одно целое отдельные выводы отдельных знаний для того, чтобы можно было составить систему, составить цельное миросозерцание. Эти основы научной философии являются наиболее ценным философским вкладом Маркса и Энгельса, который был сделан на основе сочинения Фейербаха, не считая сочинения „Нищета философии“, которое Маркс написал против Прудона и его анархического учения, и другого, которое носит сокращенное название „Антидюринг“, направленного против проф. Дюринга. Полностью заглавие этого сочинения „Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом“.

Но, может быть, всего важнее было то, что было сделано Марксом в области политической экономии. Тут Маркс является гигантом, из ряда вон выходящим. Из его экономических сочинений первое место занимает „Капитал“. При жизни Маркса вышел только первый том его „Капитала“. Второй и третий томы были подготовлены к изданию окончательно по материалам Маркса после его смерти и разработаны Энгельсом, а после смерти Энгельса по бумагам Маркса был разработан и четвертый том „Капитала“ Каутским. Эти четыре тома представляют собой блестящий и глубокий труд, трактующий о том, как постепенно капиталисттческое хозяйство ведет к будущему социалистическому строю. Я должен остановиться на самых главных, самых основных чертах и положениях этой книги, конечно, не имея в виду исчерпать всего ея содержания, но желая только отметить, что сделал Маркс для разработки научной теории социализма.

Прежде всего, будучи верен общей теории развития, которую он отстаивал в области социологии и в области философии, Маркс поставил своей задачей отстаивать ее и в истории развития политической экономии, в истории развития капиталистического хозяйства. Он различал поэтому различные моменты в развитии капита-

лизма, насколько он мог наблюдать этот капитализм в свое время. Прежде всего он различал в развитии капитализма период так называемого „первоначального накопления". Этот период самой грубой эксплуатации, самого грубого хищничества и небережливого отношения к производительным силам, в особенности к живой производительной силе—к человеческому труду. Капитализм, говорит Маркс, родился в крови, грязи и преступлении. Прежде всего капитализм начался с экспроприации земель у крестьян. Массовое обезземеленье английских крестьян он ярко описал в „Капитале".

Но затем, по мере того, как первоначальное накопление привело к соединению в руках капиталистов значительных средств, по мере того, как рынок был образован, явилась и необходимость в технических улучшениях. Вот этот вопрос техники и был роковым для первоначального накопления. Период первоначального накопления был периодом, когда машинная техника стояла еще на низком уровне развития. Как только оказалось, что это грубое хищничество мешает дальнейшему развитию промышленности, как только оказалось, что оно изжило себя, что оно уже оказывается силой, препятствующей дальнейшему развитию производительных сил,—период первоначального накопления должен был смениться периодом накопления капиталистического или культурного капитализма, когда пришлось отказаться от старых, в значительной степени, крепостнических, хищнических приемов и на первый план выдвинуть технические улучшения, введение улучшеных машин, эксплуатацию более тонкую, которая заключалась в том, что считалось необходимым изучать весь механизм производства и улучшать все больше и больше качество машин и тем самым стремиться увеличить и производительность труда, т. е. получить больше прибыли, не непременно доводя до изнеможения живую рабочую силу, т. е. человека. Напротив, культурный капитализм до известной степени бережет эту живую силу, потому что это в его же интересах. Квалифицированный рабочий, который необходим при высоком развитии машинной техники, рабочий обученный, ценится высоко, и поэтому ни в какой мере невыгодно для самого капиталиста истреблять эту живую силу. Итак, машинное производство и культурный промышленный капитализм выдвигается на первый план.

От процесса развития капитализма, от отдельных стадий, переживаемых капиталистическим развитием, Маркс перешел к изучению других законов экономической жизни капиталистического общества и одним из самых важных законов, который ввел в обиход Маркс, является закон ценности. Политическая экономия предшествующего времени представляет собой в этом отношении борьбу двух начал теории ценности. Одно начало, основателем и защитником котораго был представитель, так называемой, классической школы политической экономии—Адам Смит, а за ним Рикардо, это начало трудовой ценности, которое определяло ценность, как зависящую от известного количества труда, потраченного на производства предметов потребления. Другое учение, которое исходило от французских экономистов,

главным образом от Сея, настаивало на теории полезности, на том, что ценность определяется полезностью того или иного предмета: чем полезнее предмет, тем он ценные. Нетрудно, конечно, побороть это второе учение в первоначальной формулировке. Нет никакого сомнения, что существует громадная разница между ценностью и полезностью предметов Вода, напр, очень полезная вещь, но она стоит, как известно, очень дешево даже и теперь, когда у нас в Петрограде цены выросли в сотни раз. Золото очень мало полезная вещь, которая употребляется только, главным образом, для украшения и для монет, но это предмет очень ценный, который ценится очень высоко. Вот почему отвергается теория полезности, и устанавливается теория ценности в зависимости от количества труда, который потрачен на производство и добывание различных предметов. Маркс был сторонником этой теории, которая была блестяще обоснована в первой половине XIX века английским ученым Рикардо. В сущности, добавление Маркса состоит в том, что он доказал, что здесь имеется в виду общественно-необходимое количество труда, т. е. то количество, которое необходимо затратить на производство данной вещи с общественной точки зрения, труда среднего рабочего, рабочего среднего искусства, средних знаний и средней силы. Конечно, отклонение будут в ту или иную сторону в зависимости от того, насколько искусен рабочий: если он очень искусен, он получит больше, если мало искусен,—получит меньше. Вторая заслуга Маркса состоит в том, что он, формулируя этот закон ценности, вместе с тем оговорился, что этот закон не имеет значения по отношению к каждому отдельному товару, дело идет только об общем товарном производстве в целом. Практически нельзя требовать полной точности в определении необходимого количества труда, затраченного на производство данной вещи или данного рода товарной ценности. На самом деле, в практике ценность отклоняется в ту или иную сторону от трудовой нормы, но важно, что она вообще имеет тенденцию сблизиться с этой нормой, а, с другой стороны, важно, что в общем и целом, если взять товарное производство, как нечто единое, то этот закон совершенно справедлив. Вот та формулировка закона ценности, которую внес Маркс. Между прочим, это для теории политической экономии очень важное начало, начало определения так называемой объективной ценности или объективной оценки тех или иных производимых в общественном хозяйстве предметов. Дело в том, что этой теории противополагается теория субъективной ценности, которая вносит в качестве мерила ценности личный вкус, личное усмотрение, личный произвол. Сюда относится теория ценности, так называемой, австрийской школы Менгера, Бем Баверка, Визера и у нас Туган-Барановского. Эта школа провозглашает основой ценности не труд и не полезность, а так называемую предельную полезность: ценность того или иного предмета определяется не количеством труда, потраченного на его производство, и также не его полезностью, а той предельной полезностью, которую имеет данный предмет. Вода оценивается не по общему количеству, которое имеется в природе или

может быть добыто нами, она оценивается по тому ея количеству, которое необходимо в данный момент для потребительных целей данного общества, чтобы иметь возможность утолить жажду, удовлетворить потребность в чистоте и т. д. Вот что называется теорией предельной полезности. В таких условиях ценность предмета постоянно меняется, никогда не есть величина постоянная и субъективна в высшей степени, потому что культурный народ нуждается в большем количестве воды, чем не культурный и т. д. Наконец, отдельные люди каждый по своему расценивают каждый предмет: для одного больше потребность в одном, для другого – в другом. Отсюда эта личная, собъективная теория, которая играет на личном элементе. И раз этот личный элемент играет первую роль, то очень трудно построить на этом какой нибудь закон, правильную теорию, приходится вырабатывать очень сложные системы этой предельной полезности, которые имеют значение только для данного момента.

VI.

Агитационное значение теории ценности, которую защищал и обосновывал Маркс, заключается, главным образом, в том, что он дополнил эту теорию ценности учением о так называемой прибавочной ценности. Маркс указывал, что рабочий в капиталистическом обществе производит не только ту ценность, которая заключается в материале, в орудиях, во всем, что затрачено на производство и что тратится для покрытия средств существования рабочего заработной платы, но кроме всего этого рабочий еще создает некоторый остаток, очень значительный, и тем более значительный, чем выше техника производства. Вот этот избыток, создаваемый трудом рабочего, кроме того, что необходимо для покрытия затрат на производство, составляет, так называемую, прибавочную ценность, создаваемую живым трудом. И вот оказывается, что эта прибавочная ценность в капиталистическом обществе никогда не принадлежит самому трудящемуся, она присваивается капиталистами, капиталистическим государством в виде налогов, а отдельными капиталистами в виде прибыли.

Отсюда логически Маркс приходит от исследования ценности и прибавочной ценности к исследованию законов прибыли, заработной платы, земельной ренты. Важность этого положения заключается в агитационном смысле в том, что хотя вся ценность, и в том числе прибавочная ценность, создается живым трудом, она не ему достается в капиталистическом обществе. Отвечая на вопрос, почему это происходит, Маркс говорит так: капиталистическое общество одной из своих основ имеет частную собственность — на средства производства, на землю, на капитал. И это является основной причиной такого присвоения прибавочной стоимости не лицами трудящимся, не трудовым элементом общества.

Переходя от теории ценности к теории прибыли, Маркс устанавливает закон развития прибыли в капиталистическом обществе. Это имеет

чрезвычайное важное значение в том отношении, что он теоретически об'яснил то, что в свое время чутьем уловили английские профессиональные союзы. Веками продолжающаяся в Англии борьба за профессиоанальные интересы привела к выводу, который Марксом формулирован в законе так называемого „падения нормы прибыли". Я не буду излагать сейчас этот закон во всех подробностях. Гораздо удобнее остановиться на нем в связи с той борьбой, которую английские профессиональные союзы вели, и которая имеет громадное значение. При изучении массового рабочего движения, мы увидим, что закон падения нормы прибыли, выработанный Марксом, был чутьем уловлен еще до него рабочими в профессиональном движении в Англии, борьбой рабочих за свои интересы по преимуществу статечной борьбой. Этим обстоятельством можно иллюстрировать одну из черт, важных для понимания всего значения профсеспонального движения. оно истинная и настоящая школа социализма, приучающая к изучению всего механизма капиталистического хозяйства и дающая возможность рабочему только после опыта многолетней профессиональной борьбы и после усвоения ея основ и механизма капиталистического хозяйства правильно в будущем строить социалистическое общество. Без знания этих законов, без практического их применения, без чутья, которое должно быть свойственно рабочим организациям, на практике невозможно это будущее строительство.

Теперь я перехожу к вопросу о развитии заработной платы, к закону развития ея Здесь опять таки мы должны сделать некоторую экскурсию в историю политической экономии. До Маркса политическая экономия держалась представления о том, что существует так называемый железный закон заработной платы. Этот железный закон между прочим отстаивал и один из предшественников Маркса в области практической политики—Лассаль. Этот закон сводился к тому, что будто бы заработная плата всегда совпадает или, по крайней мере, очень близко подходит к средствам существования рабочих и их семей, Если случайно по каким нибудь обстоятельствам в том или ином месте на время она превосходит эту норму или бывает ниже ея, то это только случайно, а в подавляющем большинстве случаев этот железный закон нельзя изменить и повысить заработную плату в капиталистическом обществе, сделать ее выше средств существования рабочего и его семьи. Вот что такое этот железный закон заработной платы, формулированный и отстаиваемый даже Лассалем. Спрашивается, чем важен такой закон? Он важен тем, что если бы это был закон, „его же не прейдеши", если бы это был такой закон природы, с которым невозможно бороться, то в таком случае—какое же значение имели бы профессиональные союзы, добивающиеся повышения заработной платы? Никакого. Нет никакой возможности преодолеть то, что является, можно сказать, естественной необходимостью, железной необходимостью.

Вот тут Маркс раз'яснил, что здесь кроется громадное недоразумение. Еще Лассаль находил, что не надо забывать, что ведь потребность рабочего, средства его содержания и его семьи—понятие отно-

сительное: оно меняется с течением времени. Когда рабочий находится еще в примитивной стадии развития, у него никакой потребности, кроме первой необходимости, нет. Но по мере того, как растут его познания культуры, развиваются и новыя потребности, которые являются столь же необходимыми, как и все другое: потребность т книге, газете, посещении лекций, театра, культурных развлечениях и т. д. Все это, наконец, доходит до того, что становится такой же необходимостью, как потребность в пище, в воде и т. д. Уже мы теперь опростились,—а все таки не можем обойтись без духовного общения даже в наших ненормальных условиях жизни. Значит, здесь уже вносится известная относительность. Какой же это железный закон?

А затем Маркс вносит другую поправку, он указывает, что не надо забывать, что если в профессиональных союзах окажутся достаточно соорганизованные рабочие, достаточно способные к организованной борьбе, то они могут иногда даже значительно повысить заработную плату над уровнем средств, необходимых для существования. Вот важный вывод сделанный в этом отношении Марксом. Он окончательно развенчал эту веру в какой то железный закон: на самом деле ничего железного в этом законе нет.

Затем Маркс же указал вообще на значение профессиональных союзов в их борьбе за определенную заработную плату и определенный рабочий день. Он указал, что борясь за интересы рабочего класса, профессиональные союзы, если они правильно понимают свои задачи,—а это он наблюдал в Англии и только в Англии мог наблюдать в его время, — если они правильно понимают свои задачи, то они должны для того, чтобы побеждать в защите интересов рабочего класса, изучать механизм капиталистического хозяйства, все его подробности, входить в самую гущу этого производства, быть такими же знатоками его, какими являются, напр., сами руководители предприятия, не только сами хозяева, но и управляющие, техники и т. д. Вот это обстоятельство создает из профессиональных союзов настоящую школу будущего социалистического хозяйства, ибо вести это будущее социалистическое хозяйство не могут рабочие, незнакомые с самыми последними результатами техники капиталистического хозяйства и притом практически незнакомые, т. е. не пережившие на самом деле в какой нибудь стране эту борьбу. Такие рабочие не будут в состоянии руководить социалистическим хозяйством, и этот опыт потерпит неудачу, потому что рабочий не будет иметь ни надлежащей дисциплины, которая создается профессиональными союзами, не только предпринимателями, не будет иметь надлежащего понимания всего строя хозяйства и того, как нужно им управлять экономически и технически. Словом, он не будет в состоянии исправиться с грандиозной задачей, которая будет стоять перед социализирующемся обществом, и в конце концов этот опыт потерпит неминуемую неудачу.

Далее, Маркс переходит к третьей ветви народного дохода—к земельной ренте. Теория земельной ренты, специального дохода от земли, не зависящего от капитала, противоположна теории капитала, потому что помимо дохода, получаемого от капитала, это уже будет

доход, который земля дает просто, как земля, независимо от каких либо затрат на нее. Теория земельной ренты разрабатывалась еще в значительной степени Рикардо. Он указал на основные законы развития земельной ренты, но надо прибавить, что он главным образом, указывал на так называемую теорию дифференциальной ренты, а не теорию ренты абсолютной. Марксу принадлежит различие этих двух видов земельной ренты,- абсолютной и дифференциальной. На этом надо остановиться, чтобы понять, в чем тут дело. Если мы возьмем землю в любой стране без различия, в современной стране, какой бы отсталой она ни была. мы наблюдаем такое положение, что даже самая неплодородная в ней земля имеет какую нибудь ценность, и ее всегда можно за какую нибудь плату сдать в аренду, хотя самую ничтожную. Вот арендная плата за землю, как землю, независимо от улучшений, в нее внесенных, и носит название абсолютной земельной ренты. Это та плата за землю, которая вытекает из того обстоятельства, что количество земли, находящееся на земном шаре не может быть искусственно увеличено, что оно ограничено, а количество населения земного шара все больше и больше растет. Поэтому отношение между количеством свободной земли на земном шаре и количеством населения все более и более становится неблагоприятным для населения, земли все больше не хватает. Отсюда и происходит абсолютная земельная рента — от ограниченности количества земли.

Но помимо этого, некоторые земельные участки, которые отличаются чем либо от других, приносят еще особый доход, так называемую дифференциальную ренту, „отличительную“—если перевести это слово на русский язык. Она происходит от того, что разные земельные участки отличаются известной степенью естественного плодородия: чем плодороднее земля, тем больший урожай она приносит, и, ясное дело, она тем более ценится. Затем дальше, рента зависит также от отношения к рынку, от расстояния земли от рынка. Известно, что если какой-нибудь земельный участок отстоит дальше от рынка, чем другой, то владелец ближайшего участка получает больше выгоды от своего участка, чем владелец отдаленного участка. Это понятно, потому что перевозка продуктов этого участка к рынку для продажи стоит дороже Этот избыток, получаемый от того, что один участок находится ближе к рынку, чем другой, носит также название дифференциальной ренты. Наконец, третья причина дифференциальной ренты заключается в том, что известные участки улучшены, подверглись мелиорации, утучнены, на них искусственное удобрение, они подверглись осушке, если почва болотистая, или наоборот—орошены, вообще, когда чувствуется уже рука человека. Это происходит от затраты капитала и труда. От этого данный земельный участок создает преимущество в доходе, а следовательно, и земельную ренту. Вот тонкий, глубокий, исчерпывающий анализ законов развития земельной ренты, произведенный таким образом Марксом.

Затем, в томе III своего „Капитала“, где разсматривается теория ренты и прибыли, он задался вопросом—как же быть с землей, как

со средством сельско-хозяйственного капиталистического производства, когда капиталистическое хозяйство будет уже себя изживать? Задавшись таким вопросом, он дал такой ответ на него: собственно говоря, частная собственность вредна для самого капиталистического хозяйства, потому что при капиталистическом хозяйстве приходится затрачивать на землю огромный капитал, который, если бы он был свободен, можно было бы употребить на всякого рода улучшения, на покупку улучшенных машин, удобрения и т. д., на усиленное орошение, на улучшение техники и т. п. При этом Маркс говорит: в интересах капиталистического хозяйства была бы национализация земли, т. е. передача всей земли в руки государства, с тем, чтобы все, кто хочет, мог бы вести хозяйство, арендовав у государства землю за определенную сумму и, таким образом, затратив меньшую сумму, чем стоимость земли, потому что годовая арендная плата в 20—25 раз меньше, чем сумма, затрачиваемая на покупку земли. Масса капитала освободилась бы, и его можно было бы употребить на технические улучшения. Отсюда Маркс делает вывод, что в конце развития капиталистического хозяйства одной из очередных форм землевладения будет национализация земли: это будет уже предвестник падения капиталистического строя, движение к социализму, но еще не социализм, а чисто капиталистическая форма, в которой нет еще ничего социалистического, потому что нет общего производства, нет общественного хозяйства, а хозяйство будет крупное или мелкое, но во всяком случае—частное.

Вот главные замечания, которые были сделаны Марксом в отношении основных законов капиталистического хозяйства. Здесь впервые со всей полнотой были формулированы эти основные законы, капиталистическое хозяйство было поднято в его закономерном развитии, и результатом было теоретическое построение научного социализма или теории социал-демократии, которой основателем является Маркс и в своем социологическом и философском учении и, наконец, в своем экономическом учении.

Но Маркс был замечателен не только тем, что он был теоретиком,—он принял участие и в практической, политической и социальной борьбе. В 1842 году, когда Маркс не выезжал еще из Германии он был радикалом и революционным демократом и издавал „Рейнскую Газету“ в Кельне. В 1843 году газета эта была закрыта, а Маркс уехал в Париж, а оттуда в 1845 г., по требованию прусскаго правительства, был выслан и уехал в Лондон, единственное тогда убежище политических эмигрантов. В 1847 году Маркс и Энгельс вступили в общество коммунистов, маловлиятельное, очень не сильное, не об'единявшее массу и вскоре после этого Марксом был издан „Манифест коммунистической партии“. В 1848 году в Германии возникла революция в марте месяце, вслед за февральской революцией во Франции. Маркс вернулся в Германию, и в течение года, издавал в том же Кёльне „Новую Рейнскую Газету“, где он отстаивал социалистические и революционные воззрения. Он был судим, оправдан присяжными, но административно выслан в Париж, а оттуда тоже выслан, и в

1848 году был уже опять в Лондоне, причем наряду с огромной теоретической работой, которую он здесь именно произвел, Маркс принял участие и в важнейшем международном движении пролетариата, которое возникло в 60-х годах прошлого века. В 1864 году, Маркс, и целый ряд других деятелей, в том числе и русский—Бакунин, основатель анархического учения, основали Интернационал, т. е международное общество рабочих. Здесь впервые перед Марксом встал вопрос о тактике международного рабочего движения, и тактика эта понималась с двух точек зрения: с одной стороны—вопрос шел о тактике экономической борьбы, а, с другой стороны,—о тактике борьбы политической. Что касается тактики экономической борьбы, то Первый Интернационал придавал слишком много—с нашей точки зрения значения, кооперации. Это и было понятно: слишком сильны были еще отзвуки прошлого, утопического социализма. Еще надеялись, что не только при помощи потребительных кооперацій типа рочдэдльской, но и при помощи производительных кооперацій, можно частично дать примеры и образцы социалистического хозяйства и, расширяя эти кооперативные общества, можно будет поставить социалистическое общество в целом. Точь в точь так, как впоследствии в Германии известный социалистический деятель Давид, член большинства социалистов в рейхстаге, один из вождей правых, социал демократов, отстаивал кооперацию, как средство перехода к социалистическому хозяйству. По мнению Давида, нужно создать потребительные кооперации из рабочих и производительные кооперации из крестьян и, таким образом, меняться продуктами. В конце-концов, по мнению Давида, союз этих двух кооперацій может победить все капиталистическое хозяйство. Каутский совершенно справедливо указал, что это утопия, потому что все равно, если кооперации придется работать в капиталистической атмосфере, т. е. подчиняться законам капиталистического развития, все капиталы профессиональных союзов и кооперации будут ничтожны сравнительно с капиталами мирового капитализма, мировой буржуазии, которая поэтому всегда сможет на почве капиталистической конкуренции стеснить и подавить все попытки профессиональных союзов и кооперацій вылиться в социалистическое хозяйство. Очевидно, задача заключается вовсе не в том, чтобы создавать кооперации сами по себе, а задача заключается в том, чтобы, развивая социалистическое сознание, проходя школу социализма в профессиональной борьбе, усваивая технику капиталистического хозяйства, приучать к дисциплине, которая заставляла бы рабочего работать не из под палки, а в сознании того общественного долга, который на нем лежит. Приобретая все это, рабочий вместе с тем должен стремиться завоевать власть. Завоевание власти, т. е. политическая борьба рабочего класса, является столь же настоятельной потребностью социал-демократической тактики, как и это социальное воспитание в экономической борьбе.

К этим выводам все больше и больше приходил Маркс, причем ему приходилось вести борьбу на два фронта: с одной стороны—с бланкизмом—Бланки настаивал на том, чтобы форсировать дело по-

встанческим движением,—что впоследствии у нас в русской социалистической литературе было принято называть „вспышкопускательством", т. е., во что бы то ни стало, производить бунты, бунты и бунты, отстаивать восстания, как альфу и омегу социалистической тактики. Маркс доказывал, что, для того, чтобы восстание имело успех, надо, чтобы оно было массовое, охватило широкие массы населения, чтобы оно действительно представляло собой всенародное движение. Бланкизм в этом отношении преувеличивает значение небольшого инициативного, активного меньшинства, которое успешно могло бы провести восстание.

Еще более упорную и тяжелую борьбу приходилось вести Марксу против бакунизма; против бакунизма и против самого Бакунина, против анархического движения, которое отрицало всякую другую сторону дела. Если бланкизм отрицал пользу организации в политической борьбе, организованную, осмысленную, планомерную, хотя, может быть, очень осторожную, медлительную массовую борьбу в политике, то бакунизм отрицал организацию в области борьбы экономической. Он утверждал, что все эти профессиональные союзы имеют ничтожное значение, что важна пропаганда действиями, т. е. пропаганда разрушения и захватов, пропаганда террора единичного и массового, пропаганда всякого рода действий, непосредственно дезорганизующих капиталистическое хозяйство.

Итак, Марксу пришлось вести жестокую, упорную борьбу против этих двух движений и в этой борьбе протекли все годы работы Первого Интернационала. Первый Интернационал возбудил большую тревогу в буржуазных кругах европейского общества, но по существу эта тревога была мало основательна. Первый Интернационал все таки был главным образом интеллигентской, а не рабочей массовой организацией. Рабочие массы в небольшой, сравнительно, своей части участвовали в этой борьбе. Поэтому борьба с бакунизмом и бланкизмом в значительной степени обессилила Маркса и Энгельса и самый Первый Интернационал.

Надо заметить, что как бы ни было много иллюзий между прочим у самих Маркса и Энгельса, которые думали, что после 48 года социалистическая революция очень близка, но уже в 60-х годах они, повидимому, излечились от этой идеи. По крайней мере Энгельс впоследствии писал, что они тогда убедились, что социалистическая революция не есть только восстание и захват власти, а это есть длительный процесс, при помощи которого совершается перестройка всего капиталистического хозяйства; это планомерное завоевание одной ступени за другой, чтобы придти к конечной цели. Между прочим, в брошюре, составленной Марксом о Парижской Коммуне, он прямо и определенно высказывается в этом направлении. Он высказывается там против террора (стр. 37 русского издания), он указывает на то, что Коммуна нисколько не грешила другим грехом — ни в какой мере не нарушила всеобщего избирательного права. На стр. 46 „Парижской Коммуны" он прямо ставит ей в заслугу, что она состояла из коммуниальных советников, избранных на основе всеобщего

прямого и тайного голосования, что не было политически безправных граждан в Коммуне. На стр. 51 и 52 он прямо указывает — я точно цитирую:—„рабочие не надеялись, что Коммуна совершит чудеса, они не верят в утопии, которые могут быть введены декретом народа".

Итак, Маркс имеет огромное значение, как практический деятель рабочего движения. Если вы обнимете общим взглядом его теорию и практику, то вы увидите глубокое единство между тем и другим, связь, которая совершенно неразрушима. Раз теоретически определяется известный закон развития и преобразования капиталистического общества в социалистическое, раз устанавливается теоретически, что это есть процесс, зависящий от того, что известная хозяйственная форма себя изживает, становится уже препятствием к дальнейшему развитию, что рабочий только тогда, когда он переживает высшую форму капиталистического развития, в состоянии будет овладеть всем механизмом производства, — то из этого вытекает практический вывод, который Маркс сделал в той же „Парижской Коммуне", вывод одинаково далекий от утопического бланкизма и от отрицающего всякую политически организованную работу бакунизма, от анархизма всякого рода и всех разрядов. В этом отношении Маркс представляет собой нечто цельное и в своей теоретической и в своей практической работе. Нет никакого сомнения в том, что дополнив свою теорию практикой, он еще более укрепил эту теорию. Научная теория социализма поэтому и приобретает господство, а рабочее движение происходит несомненно под знаменем научного социализма. Отсюда не следует, конечно, чтобы в рабочем движении было все единообразно и чтобы не было ничего оригинального. Есть и оригинальность, есть и повторяемость, были и известные особенности, продиктованные особым экономическим развитием каждой отдельной страны. И нам теперь предстоит в дальнейшем проследить прежде всего те особенности массовых рабочих движений, которые свойственны трем главным европейским странам: Англии, Франции и Германии.

VII.

Рабочее движение в Англии с половины XIX в.

Нам предстоит теперь заняться историей массового профессионального движения на Западе Европы во второй половине XIX века. Я начну с Англии, причем как в Англии, так и в других странах, я обращаю ваше внимание, главным образом, на три ветви этого рабочего движения. Во первых, мы имеем кооперативное движение, которое знаменательно тем, что оно совершалось, вообще говоря, без бурь, без особых переломов и неукоснительно и равномерно шло вперед; во вторых, мы видим движение профессиональное и, в третьих, мы остановим внимание на политическом движении рабочего класса, в передовых странах Европы.

Если взять прежде всего кооперативное движение в Англии, то

я вам уже указал в прошлой лекции, что настоящее развитие организации кооперативного движения и притом демократического кооперативного движения, начинается в Англии с 1844 года, со времени учреждения Рочдэльского общества потребителей, устав которого затем последовательно распространился и на все другие потребительные общества, возникавшие в Англии, являясь образцом правильно установленного потребительского общества. Я уже указал вам основные принципы Рочдэльского движения и отметил, что кооперативное движение шло без особых скачков и, можно сказать, ускорительно развивалось в конце XIX и начале XX веков по той понятной причине, что Англия представляла собою в это время страну, которая, начиная с 60-х и 70-х годов, уже произвела у себя ряд необходимых демократических реформ, успела осуществить свободы гражданскую и политическую, обезпечить развитие правосудия, ассоциаций, рабочего движения, профессионального и политического, все более и более крепнувшего. Кооперация может правильно развиваться, когда есть для этого необходимые условия—гражданская и политическая свободы, и когда есть другие ветви рабочего движения. Мы видим, что в Англии это кооперативное движение достигает чрезвычайных результатов, в частности, в области деятельности потребительных обществ. Потребительных обществ и обществ оптовых закупок к нашему времени в Англии насчитывается около 1400 с числом членов более 3.000.000 человек, не считая семей; вместе же с семьями оно составит 15 мил. и это из 40 мил. населения. Ясное дело, что процент организованного в кооперативы населения чрезвычайно велик. Есть страна, в которой этот процент еще гораздо выше, чем в Англии, именно Дания, только Дания в этом отношени и превосходит Англию.

Затем важное значение имеет и то обстоятельство, что кооперативные общества в Англии представляют собою очень крупные об'единения. Если сравнивать их с потребительными обществами других стран, то в среднем на каждое общество приходится свыше 2140 членов. Это свидетельствует о крупных размерах этих обществ и является результатом концентрации, об'единения, которые тут произошли.

Не надо забывать, что идеализация кооперации, представление о ней как об островке, зерне социализма было бы в высшей степени опасно и неверно. Кооперация важна не тем, что является частичным насаждением социализма, а тем, что кооперация является одним из главных средств социалистического воспитания. Заложенное в ней демократическое начало есть великолепное организационное средство. Организуя широкие массы населения, она приучает эти массы самостоятельно критически относиться к тем хозяйственным условиям, в которых общество действует. Она приучает массы населения внимательно относиться к действиям своих кооперативных об'единений, до того внимательно, что я с вами поделюсь одним маленьким наблюдением в этом отношении, показывающим, как серьезно рабочие или их делегаты относятся к своим обязанностям. На годичном с'езде Рочдэльских потребительных обществ, когда собираются деле-

гаты с мест, читается годичный отчет, сопровождаемый комментариями, и делегаты следят за каждой цифрой и проверяют ее точно. Как углубленно бывает внимание присутствующих, показывает, что эти несколько сот человек, как только кончается страница, одновременно ее перевертывают. Каждый рабочий считает себя обязанным входить во все детали той хозяйственной работы, которую ведет кооперация, а это есть лучшее средство экономического воспитания, подготовляющее к тому, чтобы можно было организовать на опыте кооперации социалистическое хозяйство.

Затем если мы обратимся к другой стороне деятельности английских потребительных кооперацій, то мы здесь видим такую картину: английская кооперация очень богата по сравнению с кооперацией других стран. Мы еще увидим цифры, относящиеся к кооперации других стран, и тогда припомним цифры, относящиеся к Англии. Английская кооперация имеет прежде всего паевой капитал в 40.000.000 фунтов стерлингов, что равно на наши довоенные деньги 400.000.000 рублей. Это небывалый капитал для кооперации; такого богатства нигде нет. Оборот этих кооперативных союзов и обществ доходит до 133.000.000 фунтов стерлингов в год, прибыль исчисляется в $13^1/_2$ мил. фунтов стерлингов.

Но особенно замечательна вот какая частность в деятельности английских потребительных кооперацій: они покупают товары для распределения между своими сочленами и, торгуя в розницу, конкурируют с розничными торговцами, но вместе с тем они преследуют цель конкуренции и с оптовыми торговцами, путем заведения собственных производств, и эти производства достигают в настоящее время значительных размеров; ценность их исчисляется в $20^1/_2$ мил. фунтов стерлингов, т. е. 255.000.000 рублей на наши деньги в год. Это в пору очень крупному капиталистическому предприятию. Конечно, эта сумма очень ничтожна сравнительно с тем производственным капиталом, который вложен в капиталистические предприятия, но если отказаться от этого сравнения, то важно здесь обратить внимание вот на следующую частность: кроме потребительной кооперации есть еще производительная, та самая производительная кооперация, на которую так много надежд возлагали утопические социалисты первой половины XIX века с одной стороны, с другой даже Первый Интернационал, и, наконец, новые ревизионисты, вроде Давида. И вот производство производительных товариществ во много раз меньше собственного производства потребительной кооперации.

Наконец, важная черта английской кооперации заключается в том, что в Англии существует единый Национальный Кооперативный союз, который охватывает почти всю английскую кооперацию: 85 проц. всех потребительных кооперативных обществ Англии входят в этот единый Кооперативный Национальный Союз. Вы знаете, что во многих странах этого нет, нет единого национальнаго союза, не говоря уже о такой отсталой стране, как Россия, но нет его и в других странах, далеко опередивших Россию.

Особенно важно обратить внимание на культурно-просветительную деятельность этих союзов. При союзе существует специальная коллегия пропагандистов, в которой насчитывается $2^1/_2$ тысячи человек пропагандистов и агитаторов, организованы целые партии, отряды их, и устроены курсы, которые посещают до 20.000 слушателей ежегодно, так что дело просвещения рабочих ведется в этом союзе чрезвычайно широко. Но не менее широко ведется оно и в отдельных потребительных обществах.

Вот к каким результатам пришло кооперативное движение в Англии в течении второй половины XIX века. Это движение, как вы видите, организовало широкие массы рабочего класса. Что же касается профессионального движения, то мы здесь наблюдаем целый ряд явлений, которые поражают наше внимание. Если мы сравним Англию со всеми остальными странами, то здесь мы наблюдаем массовое явление, которое является глубоко поучительным для того, чтобы составить себе ясное представление о тех результатах, которые достижимы при самодеятельности и энергии рабочего класса.

Английское профессиональное движение во второй половине XIX века, как я указывал, представляло собою движение в значительной степени тред'унионистическое, т. е. экономическое почти целиком. Английские профессиональные союзы ставили на своем знамени экономическую борьбу по преимуществу: менее продолжительный, чем прежде, рабочий день, более высокое вознаграждение труда, улучшение условий труда и т. п. Но в этой прозаической, хозяйственной, по преимуществу, работе, английские профессиональные союзы вынуждены были пробивать путь, они были первыми, пионерами, и не имели перед собой образцов в других странах. И именно вследствие результатовъ, к которым привела эта самостоятельная работа, это тред-унионистское движение, которое очень часто порицается, оно и заслуживает нашего особого внимания. Здесь проводится такая серьезная органическая работа, которая указывает на гигантские усилия и вместе с тем на огромные результаты, которые достигнуты были, главным образом, благодаря массовой энергии. В каком отношении пример английских профессиональных союзов особенно важен?

Английские профессиональные союзы обращают внимание на так называемую взаимопомощь, т. е. на страхование своих сочленов, работников, участников профессиональных союзов от всякого рода несчастий,—от болезней, от увечия, от потери трудоспособности, наконец, на страхование на случай смерти, причем, конечно, страховую премию получает семья умершего. Надо заметить, что организация этого страхования в английских профессиональных союзах далеко отстает, как показали исследование, от страхования рабочих в специальных обществах взаимопомощи. В чем же заключается причина отсталости в данном отношении профессиональных союзов? Главным образом в том, что, занятые другой экономической боевой деятельностью, о которой сейчас пойдет речь, английские профессиональные союзы не имели времени, сил и средств для того, чтобы

правильно организовать страховую статистику, а без страховой статистики невозможно правильное устройство страхования во всех этих случаях. Страховая статистика должна быть направлена прежде всего к выяснению процента смертности и болезней страхуемых, т. е. среднего количества заболевающих и умирающих ежегодно. Затем нужно было точно также установить целый ряд статистических сведений о количестве страхуемого населения, о том, какие бывают утечки из числа страхуемых на сторону. Профессиональные союзы не имели возможности все это выработать, но, тем не менее, они очень дорожили этой своей деятельностью в области страхования. Почему? А потому, главным образом, что эта страховая деятельность привлекала к ним огромные массы рабочего населения, захватывала еще несознательных рабочих, привлекала их в профессиональные союзы и давала возможность приобщиться к этой великой сознательной работе, которая в этих союзах совершалась.

Но особенно важна—и в этом отношении профессиональные союзы были долго незаменимы—деятельность их в одной отрасли страхования, именно в области страхования от безработицы, т. е. снабжения пособиями тех рабочих, которые потеряли работу не потому, что они не хотели работать, а потому, что не могли ее найти, той безработицы, которая составляет правило капиталистического общества. Это страхование было специальностью профессиональных союзов в Англии и в этом отношении профессиональные союзы принесли огромную пользу рабочему классу.

Вторая важная отрасль в их деятельности во второй половине XIX века заключается в том, что эти союзы поставили своей задачей выработку и изменение так называемых коллективных договоров. Надо иметь в виду, что когда рабочий поставлен перед предпринимателем, то если это единичный рабочий, то он бессилен и должен подчиняться тем условиям, которые ему диктует предприниматель. Для того, чтобы предотвратить возможность этого безусловного подчинения, английское профессональное движение и выработало так называемые коллективные договоры, т. е. условия, заключаемые рабочими всей данной организации производства, организованной в профессиональном союзе, с предпринимательским союзом, соединением всех предпринимателей данного производства. Здесь вырабатываются условия, которые обязательны для всех предпринимателей и для всех рабочих. Таким образом, одна организация классовая противополагается другой, и здесь стороны равноправны, и не только равноправны, но и равносильны, что дает возможность успешной борьбы. И эта борьба служит одним из оснований изучения опять таки техники капиталистического хозяйства. Перед рабочими встал вопрос, как основывать коллективные договоры, основывать ли их на сдельной плате или на плате почасовой. Оказывается, с точки зрения английских тред'унионистов, что вопрос этот нельзя разрешить безусловно, для всех производств одинаково. Тут наблюдаются такого рода случаи и частности, на которые я и обращаю ваше внимание для того, чтобы ближе вас подвести к вопросу. Прежде всего

нужно различать такие отрасли производства, в которых имеются, по преимуществу, одни чернорабочие, затем различаются другие отрасли, где есть и чернорабочие и квалифицированные рабочие, с целым рядом ступеней рабочей выучки, и наконец, третьи отрасли производства, где квалифицированные рабочие преобладают, где неквалифицированных рабочих почти нет. И если с этой точки зрения разделить по профессиям, то оказывается, как показала практика, что для первых двух разрядов невыгодна сдельная плата, потому что с одной стороны это затруднило бы заключение коллективного договора в тех случаях, в особенности, когда очень много различных ступеней рабочей выучки требуется для данной отрасли производства; тогда пришлось бы для каждого маленького разряда выработать особую скалу заработной платы, т. е. ради требований, притом требований, которые меняются сообразно перемене экономических условий, пришлось бы очень дробить эти условия договора, так что пришлось бы, пожалуй, совсем не заключать этих коллективных договоров. Другое препятствие здесь то, что всякого рода сдельная оплата дает возможность предпринимателю играть на том, чтобы заставить рабочего вырабатывать как можно больше и, таким образом, истощать его рабочую силу и заставлять его ранее времени становиться инвалидом. Вот почему английские профессиональные союзы и приняли почасовую работу. Там же, где преобладают квалифицированные рабочие, сдельная плата является наиболее рациональной, так как квалифицированных рабочих сравнительно немного, ими дорожат, заменить их нелегко, и редко истощают их производительную силу, так как это невыгодно для самого предпринимателя. Заключение коллективного договора о сдельной плате при этих условиях легко и вместе с тем, как практика показала, это способствует более высокому заработку этих рабочих социалистов. Практические наблюдения привели к очень ценным и очень важным выводам, указывающим на самый характер работы и на связь ее с отдельными экономическими условиями.

Затем третьей отраслью деятельности профессиональных союзов в Англии было истолкование, пополнение и изменение коллективных договоров в зависимости от самого развития техники производства. Здесь английские профессиональные союзы обнаружили большое чутье этой техники, обнаружили понимание ее мелких, тонких оттенков. Они нашли возможность изучить все особенности вопроса о том, как должны себя вести рабочие, когда предприниматель стремится усилить эксплуатацию рабочего труда путем введения новых машин улучшенного типа. Вы помните, что в прошлом, когда началось рабочее движение в Англии, рабочие были врагами машин, до такой степени, что хотели их разрушать, требуя возвращения к ремесленному производству. Эти попытки, конечно, кончились неудачей. С течением времени, когда рабочие организации получили широкое распространение, развились коллективные договоры, предпринимателям стало невозможно вести борьбу старыми способами, пришлось найти более культурные способы для эксплуатации рабочих. Каждый

предприниматель стремится к тому, чтобы увеличить производительность труда каждого отдельного рабочего тем, что следит за техникой производства и немедленно вводит новые машины, как только они появляются. Но он не повышает заработную плату и, благодаря машинам, получает огромную прибыль. Когда подобное положение получается, то английские профессиональные союзы требуют, чтобы та фабрика, которая ввела улучшенные машины, улучшенные способы производства, чтобы она соответственно повысила заработную плату, чтобы не увеличивалась эксплуатация рабочих, и вместе с тем профессиональные союзы требуют, чтобы и все другие фабрики ввели эти улучшенные машины и точно также повысили заработную плату.

Таким образом, рабочее движение становится основанием технического прогресса, прогресса машин и индустрии, увеличения производительных сил страны. Отдельные предприниматели стремятся в своих интересах, в интересах конкурренции, использовать технические усовершенствования, а рабочие стремятся распространить их на все предприятия. Это обстоятельство приводит к тому, что многие предприятия вынуждены самой техникой современного производства наблюдать за всеми новыми техническими изобретениями, за всем, что происходит в этой области и не ограничивать это наблюдение своей страной. Каждый раз, как в производстве заводятся новые машины, оно должно повышать заработную плату и профессиональные союзы должны в этом отношении поспешать защищать интересы рабочего класса. Здесь полезно остановиться на одной стороне дела, которую Маркс отмечал в своем законе падения нормы прибыли. Это есть закон капиталистического хозяйства. Когда норма прибыли падает, предприниматель, вводя новые улучшения, вместе с тем не уменьшает эксплуатации рабочего труда. Если рабочие следят за тем, чтобы эксплуатация не увеличивалась, то норма прибыли падает и не может повышаться для предпринимателя. Маркс формулировал то, что практически почуяли английские рабочие в своей профессиональной борьбе, и это лучшее подтверждение того, что практика профессионального движения, правильно понятого, есть школа социализма. Тут надо войти во все экономические подробности капиталистического хозяйства, чтобы его понять и чтобы, усвоив его подробности, приложить их на практике в будущем социалистическом хозяйстве. Профессиональные союзы являются в этом отношении чрезвычайно важным орудием будущих рабочих масс, более важным, чем сама кооперация, п. ч. кооперация не имеет боевого характера и не может доходить до таких тонкостей в изучении всех особенностей современного капиталистического хозяйства.

Нам известно уже, что английское профессиональное движение второй половины XIX века сохраняло в общих чертах очень долго тред-унионистский, чисто экономический характер. Но это могло быть только до тех пор, пока перед этим движением не стояло одно внешнее препятствие, не стояла конкурренция английской промышленности со стороны других сильных капиталистических стран. Мы

знаем, что попытка французского капитализма стать на пути английского капитализма кончилась неудачей. Но в 70-х годах прошлого века на арену борьбы с английским капитализмом выступил новый капитализм—германский. И, как известно, оказалось, что германский капитализм, вследствие того, что английская промышленность до некоторой степени почила на лаврах монополиста и стала не всегда внимательно относиться к изучению техники производства и особенно не очень внимательно относиться к коммерческой стороне дела, воспользовался этими слабыми сторонами своего старшего противника и конкурента и успел в значительной степени вытеснить английский капитализм с целого ряда рынков, а затем даже в некоторых промышленных отраслях, в частности металлообрабатывающей промышленности, мы видим, что некоторые изделия стали проникать из Германии в Англию. И вот когда началась эта конкурренция германского капитализма, английские предприниматели потеряли тот интерес к уступчивости требованиям рабочих, которая была причиной профессионального характера английского рабочего движения. Раз монополия исчезла, невыгодно стало итти на все большие уступки, потому что от этого могли произойти реальные убытки, большие, чем в том случае, когда они отказывались пользоваться трудом рабочих и совершенно останавливали свое производство. Вот положение, при котором уступчивость английских предпринимателей стала проявляться все реже и реже.

И потому английские профессиональные союзы в значительной степени изменили свой характер, изменили его в том смысле, что появилась политическая окраска, политическая борьба.

Эта политическая борьба в главных чертах выражается в следующих явлениях: в 1881 году выдвигается английская социал-демократия. В это время Гайндман основал социал-демократическую федерацию, первую политическую организацию рабочих в Англии. Затем в 1883 г. кружок интеллигентов, социалистически мыслящих и социалистически настроенных, основал так называемое Фабианское общество, теоретически разрабатывающее вопросы социализма. Главным представителем этого кружка был известный драматург Бернард Шоу, произведения которого исполняются и у нас в России. Затем следует упомянуть имена Сиднея и Беатрисы Вэбб. И по мере того, как ухудшалось положение английских рабочих от конкурренции германской промышленности, английское профессиональное движение принимало другой характер, более массовый. Прежде в профессиональных союзах участвовали главным образом квалифицированные рабочие, технически на более высокой ступени развития стоявшие, теперь с 1887 г. под влиянием агитации таких выдающихся вождей рабочего движения как Джон Бернс, Томас Манн и Кейр-Гарди, вышедших к тому же из рабочей среды, английское рабочее движение приняло демократический характер, увлекая широкие массы рабочего класса.

Социал-демократическая федерация Гейндмана была очень немногочисленна, Фабианское общество было интеллигентским обще-

ством ученых пропагандистов в лучшем случае. На ряду с этим мы видим постановку массовой политической организации рабочих. В 1900 году был учрежден комитет рабочего представительства, в 1904 г. 14 рабочих депутатов, которые вошли в Палату Общин, составили самостоятельную рабочую фракцию, отдельную от вигов и тори, от либералов и консерваторов и от ирландцев. В 1905 г. на конференции в Ливерпуле был признан социализм одной из основ английского политического движения рабочих: на с'езде в Гулле этот социализм был признан окончательно, как одна из задач английского политического рабочего движения.

В особенности это политическое движение оказалось сильным в XX веке, когда целый ряд причин вызвал обострение этого политического движения. Эти причины, с одной стороны, коренятся в попытках английской Палаты Лордов задержать его, воспрепятствовать английским профессиональным союзам входить в политические организации, участвовать в политической борьбе, с другой стороны, они были вызваны экономическими переменами в жизни Англии, которые обнаружились в XX веке.

VIII.

Рабочее движение в Англии в начале XX века.

Я остановился на этой грани, которая отделяет английское политическое движение конца XIX-го века от английского же политического движения начала XX-го столетия и указал вам на две основные причины, которые вызвали эту перемену. Главная конкретная причина заключалась в попытке английской Палаты Лордов удержать английские профессональные союзы от участия в политической борьбе. Это, так называемое, дело Осборна. Один железнодорожный рабочий Осборн предъявил иск к профессиональным союзам железнодорожных служащих по поводу того, что этот профессиональный союз часть своих средств употребил на политическую агитацию при выборах в Палату Общин. Он опирался в этом иске на то соображение, что профессиональные союзы преследуют цели экономической, но не политической борьбы и затрата капитала на политическую борьбу является нарушением профессиональных и экономических интересов рабочих, членов этого союза. Дело пошло по инстанциям и дошло до высшей судебной инстанции, палаты лордов, которая признала иск Осборна правильным и присудило огромную сумму в пользу Осборна. Это было грозное явление, потому что устанавливается известный прецедент, а английская судебная практика живет прецедентами. И этот прецедент был тем более опасен, что грозил поразить самый нерв политического движения в Англии, ибо профессиональные союзы составляли ядро политического рабочего движения в Англии. Среди рабочих кругов Англии началось движение против Палаты Лордов, тем более, что ни для кого не было секретом, что Осборн не по своей инициативе возбудил свою компанию с иском, а она ему была внушена врагами рабочих, стремящимися разбить

эту политическую организацию рабочих. Это послужило одним из основных мотивов сильной агитации против Палаты Лордов. Это оживило политическую деятельность рабочих организаций и профессиональных союзов; начались съезды, выступления в печати по поводу этого дела.

Кроме этого дела нужно учесть другую перемену для того, чтобы понять особенности английскаго рабочего движения этого десятилетия. Перемена совершилась в английском капитализме. Английский капитализм был капитализмом и, как таковой, был промышленным капитализмом. Промышленный капитализм передовых стран отличается от промышленного капитализма отсталых стран тем, что вывозит за границу не столько самые изделия, сколько средства производства— машины и орудия. Английский капитализм долго был в области промышленного машиностроения господином. Потом выступили два конкуррента—Америка и Германия, и этим английский капитализм был в значительной степени подорван, и во всяком случае ему пришлось бороться за существование и удержание своего положения; он стал бороться путем улучшения и увеличения техники производства, но для того, чтобы улучшить технику производства, ему пришлось прибегнуть к помощи кредитного, финансового, банкового капитала. Как успешна была эта борьба, видно из того, что в 1900 году из Германии в Англию ввезено такое количество товаров, которое составляло по цене 19½ проц. всего немецкого вывоза. Таким образом, Германия почти одну пятую своего вывоза направляла в Англию. А десять лет спустя этот вывоз из Германии равнялся только 14½ проц. Получилась почти 5 проц. скидки. Целую четверть своего прежнего вывоза в Англии потеряла Германия благодаря усилиям английского капитализма побороть своих соперников техничискими улучшениями.. И этого удалось ему достигнуть как раз к тому времени, когда подготовлялась мировая война. И это было одной из причин мировой войны, потому что германский капитализм стал терять английский рынок. Достигнуть этого результата английский капитализм мог только с помощью финансового капитала. Надо заметить, что передовые страны вывозят заграницу не только средства производства, но и капитал, не только предметы потребления и средства производства, но и капитал, стремясь подчинить своему финансовому влиянию отсталые страны. И внутри страны финансовый или банковый капитал организуют всю промышленность и фактически ею управляет, являясь хозяином всей промышленности. Вот такой финансовый капитал в последнее десятилетие и развился в Англии. Он не только взял в свои руки всю английскую промышленность, но стал влиять и на промышленость колоний и на промышленность отсталых стран, в том числе и России.

Английский финансовый капитализм имеет большое преимущество перед финансовыми капитализмами всего мира, между прочим и перед германским и перед французским. Дело в том, что английское банковое дело, достигло высшей степени техники, вопреки заявления некоторых новых германских ученых и совершенно согласно с заявлением старого германского экономиста Вагнера.

Германский финансовый капитализм в банковом деле оказывается менее передовым, чем английский. В английской банковой системе господствует разделение труда. Здесь существует несколько типов банков. Из них одни банки, так называемые депозитные, являются солидными банками, которые ведут дело в высшей степени спокойно и осторожно, целесообразно, регулируя его так, чтобы клиенты ни в какой мере не могли пострадать, Такие банки воздерживаются от всяких мало-мальски рискованных операций. Правда они платят невысокий процент. Но клиенты знают, что они, помещая сюда свои деньги, ничем не рискуют; это создает солидность для всех операций и дает прочное основание для промышленных предприятий, действительно, серьезных. Банки эти не держат больших капиталов, а все строят на так называемом ликвидитете, т. е. на недвижимости банковых средств, на быстром взыскании долгов и такой же быстрой уплате долгов тем, кому банк должен. Другими словами: актив и пассив их равны, а это необходимое условие соблюдения равновесия. Эта техника доведена до тонкости. Другие банки, более рискованные, финансируют новые предприятия, еще не известные и, наконец, третьи банки, колониальные, идут на риск, но дают большую прибыль. Таким образом, публика знает, на что идет, и кто хочет рисковать, идет в колониальные банки. Такая техника дает возможность финансовому капиталу распространять свои щупальцы по всему земному шару и держать в своих руках целый ряд промышленных предприятий в целом ряде стран, особенно в английских колониях. Это переносит центр тяжести английских капиталистических интересов из промышленности в банковое дело и ведет к тому, что предпривимателям не так уже важно, если они бывают вынуждены на некоторые уступки рабочим. Отсюда проистекают новые взаимоотношения. Английские правящие классы в последние 10, 15 лет, предшествовавшие войне, технически победив своих конкуррентов, переносят центр тяжести в финансовый капитал и находят возможным сделать рабочему классу очень значительные уступки.

Так теперешний премьер-министр Англии Ллойд Джордж провел целый рядъ реформ в интересах рабочего класса, прежде всего реформ политических. Была уничтожена решающая власть Палаты Лордов. Это проведено было в связи со знаменитым бюджетом Ллойд Джорджа, тогдашнего министра финансов, по которому подоходный налог с крупных капиталов и затем наследственные пошлины с крупных наследств были повышены до чрезвычайности, так что и в мирное время, если наследство переходило к дальним родственникам, наследственная пошлина достигала 30 проц., которые поступали в казну. Вот одно из оснований этого бюджета. Затем он внес обложение, так называемого, незаслуженного прироста ценностей. Что это такое? Ценность имуществ в городах растет независимо от воли отдельных домовладельцев, растет просто потому, что они становятся большими населенными центрами. Вследствие этого растут цены на землю и на дома, в особенности, в центре города, а так как они растут произвольно, независимо от воли домовладельца, хотя бы он ничего не делал для

улучшения своего владения, то он получает незаслуженную прибыль. Вот этот прирост ценности, независящий от забот владельца, обложил Ллойд Джордж повышенным налогом, который был предназначен всецело на пенсии для рабочих на случай старости. Этим профессиональные союзы были избавлены от важного расхода.

Палата Лордов наложила было руку на этот бюджет. Она решила воспользоваться уже утраченным ею правом неутверждения бюджета. Когда это давно небывалое в Англии явление произошло, то в стране началась сильнейшая агитация против Палаты Лордов и последняя потерпела большой ущерб. В результате был принят закон, по которому Палата Лордов навсегда лишилась формального права неутверждения бюджета. Ее голосования не имеют никакого значения, это дело Палаты Общин. Затем установлено было, что и все остальные законы, после того, как дважды пройдут через Палату Общин, получают силу законов, если бы даже Палата Лордов их и не утвердила. Палата Лордов может только на время задержать проведение в жизнь того или другого закона. Этим были удовлетворены и политические интересы рабочих, которые делом Осборна были раздражены до крайности против Палаты Лордов. Палата Лордов потеряла свое значение.

Ллойд Джордж провел и другие реформы; прежде всего введена была минимальная заработная плата, меньше которой нельзя было давать рабочим в любой отрасли промышленности. Прежде это казалось невероятным: капитализм—основан на свободной конкуренции, и вдруг минимальная плата! Английский капитализм стал переходить к капитализму, регулируемому демократическим государством. Затем введено было государственное страхование рабочих от болезни, старости, увечия и, наконец, государственное страхование от безработицы. Это явный переход к регулируемому капитализму, т. е. ступень к социалистическому преобразованию. То был целый ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы успокоить рабочий класс, примирить его с существующим порядком, отсрочить возможность социальных бурь. Но вместе с тем надо заметить, что для того, чтобы делать рабочим такие уступки, у Англии были большие возможности. Она располагала большими колониями, которые давали возможность английскому капитализму, промышленному и финансовому, найти средства, при которых он мог бы пользоваться для своего хищничества этими колониями, отнюдь не стремясь грубо эксплуатировать рабочих у себя на родине. Этой возможности была лишена Германия, потому что у нее таких колоний не было. А так как появилась конкурренция английского капитализма, который успел преодолеть конкурренцию германского и стал вытеснять его с завоеванных позиций и, наконец, Россия готовилась изменить чрезвычайно тяжелый и невыгодный для нее торговый договор с Германией, заключенный вслед за войной с Японией, то Германия и вынуждена была выбрать одно из двух: или пойти по дороге Англии, в сторону регулируемого капитализма или попытаться военной силой одолеть своих противников и продолжать процесс хищнического капитализма в старых рамках и в старых формах. Она предпочла второе, и в результате—получилась мировая война.

Рабочее движение в Германии.

Вот как шло рабочее движение в Англии и какими последствиями оно сопровождалось. Оно носит на себе всеобъемлющий, широкий характер и в значительной степени обогатило, особенно в экономической жизни, рабочий класс техническим опытом.

Теперь перейдем к Германии. Говоря о Германии мы не должны забывать, что Германия представляет собою страну, в распоряжении которой был известный опыт английского рабочего движения и отчасти французского, о котором позднее пойдет речь. Германская кооперация в настоящее время представляет собою серьезную силу, но она, конечно, все-таки далеко отстает от английской. Если мы возьмем германские союзы, то увидим прежде всего, что количество германских потребительных обществ превосходит количество английских. В Англии их насчитывается всего 1400, а в Германии 2300. Но это не значит, что кооперативное движение в Германии сильнее, чем в Англии. Это видно из того, что всего 2.500.000 человек в Германии организованы в кооперации, и здесь на каждое общество приходится в среднем 1090 человек, в то время как в Англии, как мы знаем, 2140 человек, другими словами, английские общества крупнее и организованы сильнее. Эти $2^1/_2$ мил. человек вместе с семьями составят $12^1/_2$ мил. человек из 70 мил. населения Германской Империи. Паевой капитал в Англии составляет 40.000.000 фунтов стерлингов, т. е. 400.000.000 руб. на наши деньги, а немецкий капитал составляет всего 37.000 000 рублей на наши деньги, именно 8.000.000 марок, считая, конечно, на довоенные деньги. Оборот всех потребительных обществ в Англии равнялся, как я указывал, 133.000.000 фунтов стерлингов, на наши деньги 1.330.000.000 рублей. Что касается германского оборота, то он составляет всего 700.000.000 марок, или на наши деньги 315.000.000 рублей. Затем, как мы знаем, ценность собственного производства потребительных обществ в Англии простиралась до 225.000.000 рублей на русские деньги, а в Германии только до 112.000.000 т. е. является более чем вдвое меньшей. Значит, надо заметить, что тут, по сравнению с Англией, мы видим значительную отсталость. Но несмотря на это, германское кооперативное рабочее движение, действительно, могучее движение и представляет собою огромную организованную силу. Кооперация об'единяется в Центральном союзе потребительных обществ. 69 проц. всех обществ группируются там. Но кроме того существует союз товариществ, основанный либералом Шульце-Деличем еще в прошлом столетии, и ничтожная часть находится в мелко-буржуазном союзе партии центра, в католических союзах. Таким образом, единство кооперативного движения в Германии не достигнуто.

Переходя теперь к истории германского профессионального движения надо заметить, что началось оно опять таки с либеральных кругов. В 1862 году Гирш и Дункер, два немецкие либерала составили профессиональную организацию и вскоре затем образовалось общество католических профессиональных союзов Германии; инициатива опять исходила из кругов буржуазии. Все подобные предприятия носят характер обществ взаимопомощи, таких, которые существо-

вали в Англии с 1824 года. Цель Гирша и Дункера и затем представителей Католической партии Центра заключалась в образовании союзов, которые ограничивались бы взаимопомощью и не занимались политической борьбой и не помогали стачечной борьбе. Но главными профессиональными союзами в Германии, действительно боевыми, составляющими основу социализма, были „свободные", т. е. социалистические.

В 1863 году Лассаль основал Всеобщий Германский Рабочий Союз, который был организован под политическим лозунгом всеобщего избирательного права. Лассаль предпринял целую агитационную кампанию, чрезвычайно энергичную и плодотворную по своим результатам, настолько плодотворную, что в один год в этом союзе с'организовалось до 5.000 членов. Лассаль, как известно, умер; он был убит на дуэли в 1864 году, и союз, им основанный, распался на две ветви: во главе одной ветви стал Швейцер, во главе другой граф Гацфельд, но это вовсе не означало его ослабления. Швейцер энергично продолжал его работу. А затем в городе Эйзенахе выступил Либкнехт, который вместе с Бебелем основал немецкую социал-демократическую партию. Эта партия на ряду с союзом Швейцера представляет собою политическую организацию рабочего класса, вначале слабую. Либкнехт и Бебель только и были ее двумя представителями в германском парламенте, да еще Швейцер со своими друзьями. Начало сильной германской социал-демократии относится к 1875 году, когда на с'езде в Готе лассальянцы и эйзенахцы слились. Бисмарк провел закон против социалистов в целях преследования этой партии. Закон этот не имел успеха и в 1890 году был отменен Вильгельмом II. Но то обстоятельство, что германская партия начала политическую борьбу и подверглась преследованию, заставило германское правительство терпеть более мирное профессиональное рабочее движение. С целью сдержать рабочих германское правительство развило такое сильное фабричное законодательство. В 1884 году был принят закон об обязательном государственном страховании рабочих от болезней и от несчастных случаев, в 1890 году—страхование на случай инвалидности и старости.

В 1892 году мы наблюдаем общую организацию всех профессиональных союзов Германии, их первый всеобщий конгресс в городе Гальберштадте. Этот успех германского политического и профессионального движения был настолько велик, что в конце прошлого столетия и в начале нынешнего, германские профессиональные союзы включали в себе около полутора миллионов членов. Огромный рост социал-демократического движения свидетельствует о том, что рабочие, вообще, пробудились. В Германии особенно рабочее движение вылилось в сильную боевую организацию. Опыт английского профессионального движения был здесь учтен и в результате его получилась высшая техника стачечного движения. Я должен на этом остановиться, чтобы показать вам, как эта техника сложилась.

Когда начинается рабочая стачка, то нельзя упускать из виду, что это сложное предприятие, на которое нельзя решаться авантю-

ристски, и которое требует очень большой предварительной подготовки, может быть большей, чем всякого рода другое начинание.

Прежде всего, основное правило, которым союзы должны руководствоваться в стачечной борьбе, это то, что нельзя быть в постоянной стачечной борьбе. Осторожность и бдительность могут привести к несравненно большим результатам, чем постоянно ведущаяся стачечная борьба. Это первое правило, совершенно понятное. Далее надо следить за всеми изменениями техники производства и принимать соответственные противумеры. Этим можно достигнуть большего, чем постоянной забастовкой. Еще правило: неправильно выставлять борьбу, например, за заработную плату, как орудие возбуждения индифферентных, или для каких нибудь организационных целей. Надо только тогда решаться на эту борьбу, когда она вызывается реальными потребностями и когда можно расчитывать одержать победу.

Нельзя рассматривать ее, как средство организации в целях притянуть к себе как можно больше рабочих, потому что это ведет к тому, что если организационная цель и будет достигнута, в конце-концов, эти скороспелые профессионалисты уйдут из союза вследствие неудачи такой стачки. Дальнейшее правило заключается в том, что при оборонительном движении, когда предприниматель наступает, нужно быть крайне осторожными. Надо помнить, что предприниматель наступает только тогда, когда он хорошо изучил положение, расчитывает на выигрыш, и принять борьбу можно только тогда, когда все меры предосторожности приняты профессиональным союзом. Предприниматель нападает только тогда, когда чувствует на своей стороне перевес экономических условий. Затем еще правило: надо считаться с экономической коньюнктурой. Начинать забастовку в эпоху экономического кризиса было бы безумием. Надо ее начинать только в эпоху хозяйственного под'ема, взвесив все конкретные условия. Затем: не всегда нужно затевать забастовку во всех ветвях данной отрасли производства, иногда удобнее и выгоднее выбрать какое нибудь одно чувствительное место в этой отрасли, которое фактически парализует все производство, и бастовать только этим рабочим, для того, чтобы остановить все производство, чтобы фабрикант был вынужден платить всем остальным рабочим, потому что они не бастуют. Это очень важное правило, которое нас вводит в технику машинного производства. Профессиональные союзы должны до тонкости изучить все подробности капиталистического хозяйства.

Не надо забывать, что когда катастрофа даже возникает, то прежде чем начать забастовку, союз должен обстоятельно исследовать все условия момента; английские и немецкие профессиональные союзы тратят на это исследование месяц, два, три и даже четыре, прежде чем поставить на практическую почву вопрос о забастовке. Но и после этого, если вопрос о забастовке решен положительно, еще не значит, что она началась. После этого начинается еще длинный процесс технической подготовки забастовки, обсуждение ее в различных стадиях, и этот процесс настолько важен, настолько инте-

ресен, что мы на нем остановимся внимательно и подробно, прежде чем перейти к французскому движению и к кратким замечаниям о русском.

IX.

Мы остановились на вопросе о подробностях подготовления стачки. Вы видели, что был выработан целый ряд предварительных правил, которые предшествовали даже самому решению стачки и общий характер которых заключается в необыкновенной осторожности, с какою рабочие профессиональные союзы Англии и Германии предпринимают ту или другую попытку стачечного движения. Когда предварительное обсуждение окончено, прежде чем решить стачку окончательно, обстоятельное обсуждение вопроса происходит в целом ряде инстанций. Прежде всего в секционном собрании, т. е. в собрании местной секции данного профессионального союза. Если местная секция, от которой исходит инициатива, решает, что стачка должна быть, тогда вопрос переходит во вторую инстанцию—в правление местного отдела союза. Это правление, по указанию общего собрания секции, обсуждает дело уже во всех деталях и передает в специально выбранную общим собранием комиссию из рабочих, которая должна обсудить вопрос с самого начала. Затем, когда эти три инстанции пройдены, дело передается на рассмотрение работодателя, т. е. фабриканта, заводчика, предпринимателя. Фабрикант, заводчик должен обсудить вопрос, не наступил ли момент, когда он должен уступить в вопросе, вызывающем стачку. Только тогда, когда последует его отзыв, дело передается в пятую инстанцию—в следственную комиссию центрального союза, спецальную комиссию, созданную центральным союзом всей страны, для того, чтобы эта следственная комиссия пересмотрела еще раз дело. И, наконец, 6-я инстанция—это палата соглашения. Центральный союз выбирает палату соглашения из своих представителей, с другой стороны палата соглашения имеет и представителей от союза соответствующих предпринимателей, и эта последняя инстанция еще раз пытается привести стороны к соглашению, чтобы предотвратить стачку. Если ей это не удается, тогда стачка считается решенной окончательно.

Вы видите, что решением каждой из этих 6 инстанцмй стачка может быть прекращена. Осторожность огромная. И затем далее. Даже, когда 6 я, последняя инстанция—палата соглашения—оказывается не в состоянии устранить конфликт, даже тогда все-таки еще не происходит немедленного об'явления забастовки. Забастовка решена, но об'явить ее—это еще дело будущего. Тут проходит еще подготовительный период приготовления к борьбе. Эту подготовку ведет уже специально выбранный рабочими данной профессии стачечный комитет вместе с правлением центрального союза. В это время собирается забастовочный фонд—необходимое условие успешности забастовки. В это время определяется точное время, состав

бастующих, наконец, этот стачечный комитет вместе с центральным союзом об'являет забастовку. Как только забастовка об'явлена, у стачечного комитета возникает целый ряд новых обязанностей, которые он должен выполнить. Обязанности эти заключаются вот в чем: во время забастовки общее ведение стачки, т. е. руководство, когда следует ее начать, где ее начать, сколько рабочих должно бастовать, выставлять так называемые „пикеты" во время стачки, т. е. сторожевые посты, которые стараются не допустить штрейкбрехеров для возобновления работ, которые ведают разработкой и раздачей соответствующей литературы рабочим по дороге к фабрике, словом, им принимаются все меры к тому, чтобы устранить всякого рода нарушения. Затем, стачечный комитет берет на себя обязанность оповещения в печати о ходе забастовки, агитацию устную или письменную о ее продолжении или прекращении и т. д. Словом, вся эта духовная и физическая, материальная, руководящая роль есть назначение стачечного комитета.

Но не в этом только заключается работа стачечного комитета, не только общее ведение стачки есть дело стачечного комитета, ведение списка бастующих и работающих, но ведь надо следить за тем, чтобы ни один из забастовщиков не отделился от забастовки, надо смотреть за тем, чтобы все соблюдали дисциплину. Это наблюдение за сохранением профессиональными рабочими дисциплины составляет одну из важнейших обязанностей стачечного комитета. Затем, соответственно этому ведутся контрольные отметки, т. е. отмечается при имени каждого, соблюдает ли он дисциплину, верен ли принятому решению, не отступает ли в чем от него. Стачечный комитет затем заведует кассой забастовочного фонда и выдает пособия бастующим, причем общее положение таково, что пособия выдаются обыкновенно максимум в течение 14 недель забастовки и во всяком случае не менее 10 недель для членов союза. Это в высшей степени важное в практической жизни правило, потому что оно показывает, что профессиональные союзы, на основании долголетнего опыта, пришли к заключению, что если фонд менее, чем на 10 недель, то забастовка заранее осуждена на неудачу. Вот почему, кроме фонда, ранее составленного, существуют еще экстренные сборы в забастовочный фонд во время стачки, и для этого устраивается особый забастовочный взнос в этот фонд работающих рабочих и ведется запись в списке работающих. Обыкновенно этот взнос в забастовочный фонд достигает 10% заработной платы. Все это практический вывод, который показывает, как основательно, как осторожно подготовляется культурная стачка.

Однако, даже при соблюдении всех этих условий, стачечный успех является необеспеченным и обыкновенно успех бывает в 30%—50%, в 75%, и то только при соблюдении всех этих мер предосторожности и при своевременной готовности к компромиссу. Надо прибавить, что бывает в стачке момент, когда предприниматель готов уступить, надо хватать этот момент, учесть его, иногда чрезвычайное упорство ведет к проигрышу всего дела.

Вот маленькая картинка того, как ведется забастовка. Она поучительна в том смысле, что показывает, как много искусства, наблюдательности, знания и экономической, и технической сторон требуется для того, чтобы одержать победу в боевом выступлении рабочего класса во времена капиталистического хозяйства. Это ведет вместе с тем к ознакомлению с экономической и технической сторонами этого хозяйства, т. е. к прохождению школы социализма в профессиональных союзах.

Вы знаете, что во время войны профессиональные союзы, как Англии, так и Германии, призваны играть еще другую роль—они призваны вместе с демократическими органами местного самоуправления и союзами предпринимателей играть роль регуляторов производства, обмена и распределения. Во время войны, как известно, заказы распределяются между различными предпринимателями по соглашению особого общества, составленного из представителей профессиональных рабочих союзов и предпринимателей, работодателей и при участии представителей органов местного управления, демократически построенного в обеих странах, и затем при участии представителей правительства. Германское правительство пыталось сначала диктаторски установить регулирование хозяйства, но ничего из этого не вышло, и оно признало демократический порядок организаций. Но эти демократические организации могут быть полезны только тогда, когда вырабатывался определенный опыт организованной борьбы. При этих условиях мы не должны забывать, что успешности этого регулирования в Англии и Америке обязаны тем, что профессиональные союзы известным образом воспитали дисциплину в массах, чувство ответственности, сознание долга работы и, наконец, познание важности общественного, а не только личного интереса, т. е. как раз уничтожение того, заложенного всегда в сыром и сером пролетариате элемента анархии, который силен, когда человек только что приходит из деревни, потому что деревенская крестьянская жизнь, есть жизнь индивидуалистическая, и совершенно неверно мнение, что в деревне царит общинный дух. Этот общинный дух поверхностен; на самом деле крестьянство индивидуалистично, обособленно, и ни в коей мере нельзя его считать воспитывающим для настоящей правильной пролетарской борьбы и для социалистического хозяйства.

Этим я кончаю обзор истории социализма в Англии и Германии и перехожу к Франции, к кратким замечаниям о Франции. И во Франции, вы знаете, условия ее хозяйственного развития были совершенно не таковы, как условия развития Англии и Германии. Французское капиталистическое хозяйство сделало при Наполеоне попытку завоевать мировой рынок, но она не увенчалась успехом. Дело кончилось тем, что английский капитализм победил более слабого соперника, и французский промышленный капитализм с тех пор стал работать в значительной степени на узкий рынок, на национальный рынок. На мировой рынок работали только отдельные отрасли французского промышленного капитализма, те, которые требовали особого изящества, или которые были связаны, как, например, виноделие, с естественными

Рабочее движение во Франции

французскими условиями. Конечно, некоторые, промышленные изделия Франции имеют мировой сбыт, но во всяком случае широкого развития промышленный капитализм во Франции не получил и это заметно во всем ходе рабочего движения. Прежде всего, французские капиталисты в значительной степени устремились в финансовую сферу, французские капиталисты стали мировыми банкирами. Банковские капиталисты стали первенствующими, сравнительно с промышленными. Французские капиталисты промышленного типа лишены были возможности делать уступки своим фабричным рабочим по той причине, что у них не было обширного рынка. Конечно, рабочее движение во Франции приняло иные формы. Прежде всего гипертрофирована политическая борьба, бурная история Франции в XIX веке, обилие революций, отсутствие правильных и сколько нибудь целесообразно построенных профессиональных организаций, даже то, что право их организовать, сколько нибудь в широких размерах, настоящее право коалиции, право рабочих союзов, во Франции было установлено только в 1884 году; все эти обстоятельства привели к тому, что французское рабочее движение приняло, с одной стороны, бланкистский характер, постоянное стремление к политической авантюре, к взрыву, к быстрому натиску, который должен был скорее привести к успеху и который обыкновенно приводил не к успеху, а, наоборот, к поражению пролетариата. С другой стороны, когда промышленный капитализм во Франции вырос и когда эти политические попытки успехом не увенчались, началось разочарование в массах французского пролетариата и в самих условиях политической свободы, и получилось течение, которое известно под названием синдикализма.

Синдикализм, это направление, основные черты которого заключаются в следующем. Сущность синдикализма выражается прежде всего в экономизме, т. е. в том, что преувеличивают экономическую борьбу и ее значение сравнительно с политической. Профессиональные союзы должны и сами политически действовать. Никакой партии не нужно и ни в коем случае не следует ценить высоко парламентскую политическую работу. Парламентская политическая работа почти всецело отрицается синдикализмом. И затем, вторая черта — это вера во всеобщую стачку, как единственную меру, приводящую к социалистическому перевороту. Это единственный метод профессиональной и политической борьбы—всеобщая стачка.

Вот две отличительные черты синдикализма. Они отражают в себе историю рабочего движения Франции и вместе с тем свидетельствуют о том, что французский пролетариат, разуверившись в тех попытках, которые были ранее, в политической борьбе, не имея серьезной политической организации, является отсталым по своему развитию сравнительно с английскими и немецким, но тем не менее более передовым, чем пролетариат других, более отсталых стран.

Мы видим однако, что во французском синдикализме есть все-таки зародыши, особенно в последнее время, когда сильнее развивается французский промышленный капитализм, зародыши обращения

на путь более серьезной профессиональной, экономической и политической борьбы.

Как известно, всеобщая конфедерация труда, главная организация, которая представляет собою французский синдикализм, была основана на с'езде в Бурже в 1904 г. С тех пор французская конфедерация труда сильно разрослась. В этой конфедерации участвует большое количество, особенно строительных и железнодорожных, рабочих, до 100.000 человек. Текстильщики участвуют в количестве 10.000 человек, рабочие металлообрабатывающей промышленности в количестве 30.000 человек и т. д.

В настоящее время эта организация насчитывает несколько сот тысяч рабочих и представляет могущественную профессиональную, отчасти и политическую организацию, и в ней наблюдается разделение на два течения. Одно всецело придерживается строго-синдикалистских принципов, вождем его является Пуже и другие его сторонники. Они видят во всеобщей стачке непосредственную панацею от всех общественных зол—и политических, и экономических. Другое течение более умеренное, приближающееся по типу к германскому и английскому,—представлено Грифелем, Люке и некоторыми другими.

Затем надо еще отметить, что во Франции существует, как известно, социалистическое об'единение. Но та разгоряченная политическая атмосфера, которой жила Франция в течение XIX века, и, в особенности, та экономическая отсталость, которая отличает французское рабочее движение, отразились на политическом движении французского пролетариата весьма неблагоприятно. Этими условиями были созданы необыкновенная пестрота и дробность политической партии рабочего движения во Франции. Существовал целый ряд партий, которые ссорились между собой, расходились, составляли особые организации. В последнее время,—я уже не удаляюсь в историю прошлого, это было бы излишне в нашем кратком курсе,—надо отметить то обстоятельство, что в это время, именно в последнее время перед войной, во Франции не состоялось об'единения в полном смысле этого слова, это было об'единение формальное. В недрах партии боролись представители гедима, т. е. французского марксизма, вождем которых является Жюль Гед, с другой стороны жоресисты, вождем которых являлся, убитый накануне войны каким-то сумасшедшим, Жан Жорес. Был еще целый ряд различных групп, которые спорили, расходились в самых существенных пунктах; внутренней спайки, настоящего единения во французской партии далеко не было.

Был кроме того целый ряд промежуточных звеньев между социалистами и радикалами. Были особые социалисты, отколовшиеся от партии. Сюда принадлежали—Вивиани, Бриан, Мильеран и др. Эта недоорганизованность, недоразвитость французского рабочего движения отличает Францию.

Как я уже сказал, во Франции основной капитализм — банковский, и благодаря этому Франция неизбежно была втянута в мировую

войну и приняла в ней участие в союзе с Англией, потому что Германия представляла и для Франции наиболее грозную силу.

Вы видите из того, что я сказал, что движение во всех передовых странах Европы носило массовый характер и политический, и экономический. Вслед за тем, как была выработана программа научного социализма, был создан первый Интернационал. Но мы знаем, что первый Интернационал не удержался, он погиб вследствие внутренних раздоров между бакунистами и марксистами. Но затем, в 70-х годах был учрежден второй Интернационал, который существовал до последнего времени. Этот второй Интернационал, для вступления в который требовалось признание принципа классовой борьбы от всех партий, которые туда поступали, об'единял социалистические партии всех стран, созывал периодически международный рабочий конгресс, который намечал общие линии борьбы за социализм во всех странах мира. Здесь пришлось обсудить и вопрос о всеобщей стачке, которая была признана испытанным способом борьбы, но которая, по мнению с'ездов, практически должна применяться с большой осторожностью. Здесь же было установлено, что социалистам можно участвовать и в министерствах, причем признано возможным это участие в исключительных случаях, с разрешения партии, под ее контролем и при непременной выработке точной программы, которой должны следовать министры социалисты, которые затем по первому требованию партии должны выходить в отставку. Надо заметить, что деятельность второго Интернационала практически большого значения, очень существенного, не имела. Спайка между различными отдельными партиями разных стран не была достаточно велика, и в конце концов, как ни старались предотвратить мировую войну, все попытки в этом отношении были неудачны, и пришлось примириться с действительностью и принять участие в этой борьбе.

Литература по рабочему движению.

После этих кратких замечаний я сделаю указания относительно литературы по истории зап. европ. рабочего движения. Должен сказать, что в русской литературе недостаточно книг для того, чтобы с надлежащей полнотой его исчерпать, но кое-что все-таки есть. Прежде всего, в качестве удобного общего пособия может служить книга Зомбарта, в русском переводе имеющаяся, „Социализм и социальное движение". Это история всех стран. Затем есть еще маленькая, тоже переведенная на русский язык с немецкого, книга „Очерки истории социализма" проф. Адлера. На русском языке есть две книги проф. Туган-Барановского, одна—„Социализм, как систематическое учение" и другая — „История политической экономии". Затем переводная с немецкого книга Пельмана „История древнего коммунизма и социализма", Лихтенберже—„Социализм в эпоху французской революции", Меринг—„История германской соц.-демократии", Каутский — „Экономическое учение Карла Маркса".

По политическому движению в Англии есть две работы Гамеджа—„История чартизма" и Боркгайма—„Чартистское движение в Англии".

Затем по английскому профессиональному движению две работы, составленные двумя авторами—Сидней и Беатриса Вебб. Одна работа

называется „История английского тред-юнионизма“, и другая их же работа называется „Теория и практика английского тред-юнионизма“. Затем Кулеман—„Профессиональное движение в Германии“.

Что касается движения кооперативного, то здесь можно указать, в особенности, на сводную работу по зап. европейской кооперации, автором которой является Фей: „Кооперация в западной Европе“.

К этому надо прибавить, что по кооперации в России есть сводная работа Прокоповича „Кооперативное движение в России“.

Что касается истории социализма в России, то здесь общая работа Туна „История революционного движения в России“. Я ее уже указал. Затем Батурский,—„История Российской соц.-демокр. партии“, Мартов,—„История Российской социал-демократии“.

Вот главные пособия, которые существуют на русском языке. Я должен сказать, что пособия эти в общем и целом, несмотря на то, что некоторые из этих книг вполне удовлетворяют своему назначению, оставляют много пробелов, в особенности по истории французского социализма. Дело в том, что французская работа, которая переведена на русский язык, по истории социалистического движения во Франции, работа Поля Луи, очень неудовлетворительна и как раз лучшие французские работы о французском социализме не переведены, но я все-таки назову некоторые из них, наиболее важные. Прежде всего, у того же Лихтенберже имеется книга, которая в русском переводе гласит: „Социализм в XVIII столетии“. Затем, есть еще французская работа „О. Фурье“, автор ее Буржен. Затем две немецкие работы по французскому социализму; одна очень важная работа Люкса—„Этьен Кабе“ и другая работа, весьма основательная, Мукле—„Сен-Симон и сен-симонизм“.

Вот вся главная литература. Подробности, конечно, вы найдете в пособиях, сейчас мною указанных.

История социализма в России.

Нам предстоит теперь остановиться, хотя бы в кратких чертах, на истории русского социализма. Само собой разумеется, и русский социализм в сильнейшей степени зависит от условий русского экономического развития. Вы знаете, что Россия до половины XIX века переживала еще период дворянского самодержавия, период полного господства дворянства. Еще и начала настоящего революционного демократического движения не было, ибо движение декабристов было ни чем иным, как вспышкой, в значительной степени отсталой, старых дворцовых переворотов XVIII века. Социализма во всяком случае ни в XVIII веке, ни у декабристов не было и в помине. Некоторые исследователи и притом очень авторитетные, вроде, например, Максима Ковалевского, указывали, что, будто бы, социалистом был декабрист Пестель,—это неверно. Ничего социалистического в предложении Пестеля национализировать половину земли и отдать ее в пользование крестьянам, по преимуществу в форме общинного землепользования или мирского, существующего в деревне,—ничего социалистического в этих его взглядах не было совершенно, ибо даже социализация или национализация всей земли не представляет собою формы социалистической, а тем более национализация половины земли на таких

условиях, на которых предлагал Пестель. Он предлагал остальную половину сохранить за дворянами в полной частной собственности. Таким образом, социализма не было и не могло естественно быть.

Начало русского социального движения относится только приблизительно к 40-м годам прошлого века, и то это социалистическое движение первоначально отлилось в формы утопические, в формы чисто, можно сказать, идейных мечтаний. В чем же было дело? Интеллигенция, в среде которой зародились эти мечтания, вышла тогда, в 40-х годах XIX века, по преимуществу из среды, так называемых, разночинцев, из духовенства, мелкого чиновничества, из разорившегося обедневшего дворянства, из мещан, наконец, из крестьян. Первым ее типичным представителем был Белинский, который, как известно, в своей жизни пережил целый ряд этапов в своем развитии. Белинский был утопическим социалистом, увлекался сен-симонизмом, фурьеризмом, учением Пьера Леру, одним из социалистов 48 года. Но как раз на этой последней стадии своего политического развития Белинский умер от туберкулеза, и сказать, чтобы он окончательно и точно формулировал свои социалистические убеждения, мы не можем. Мы только видим здесь известное увлечение социалистическим утопизмом и даже сен симонизмом, т. е. есть уже тут и зародыши научного социализма, и в этом отношении заслуга у Белинского, как инициатора, была.

Но на ряду с Белинским возникло другое социалистическое движение, в значительной степени, независящее от него. Герцен и Огарев в своей молодости увлекались сен-симонизмом. Конечно, они его недостаточно глубоко понимали. От них ускользала научная сторона, и на первый план выдвигалась утопия. Но это об'ясняется отсталостью русской интеллигенции. Затем, был кружок, который увлекался Фурье. Это был кружок Буташевича-Петрашевского; там был и Достоевский. Они обсуждали целый ряд вопросов общественной жизни, строили планы социалистической жизни, в целом довольно невинные, но за это они жестоко поплатились. Кружок был раскрыт при помощи провокаторов, был арестован, присужден к смертной казни, осужденные привезены в Петроград на Семеновский плац и в последнюю минуту были помилованы. Но помилованы, конечно, только частично, т. е. осуждены на каторгу. Отсюда, с каторги, вышли „Записки из Мертвого дома“ Достоевского. Эта каторга создала основной надлом в жизни Достоевскаго, создала отказ от старых революционных и социалистических убеждений, психологию искреннего отступничества, отступничества, в котором, я бы сказал, есть сознание бессилия интеллигенции пробить эту стену, которая поставлена пред ней в значительной степени несознательностью масс и режимом правительства, тогда господствовавшего, есть примирение с действительностью, христианское смирение и вместе с тем некоторое чувство уважения к смелости и дерзновению человеческого ума и, наконец, мучительство по отношению к интеллигенции, духовная казнь ее. В сущности вся деятельность Достоевскаго свелась к тому, чтобы отразить эту двойственность. Возьмем хотя бы Ивана Карамазова и даже Рас-

кольникова: везде тут некоторое уважение к дерзновению ума и вместе с тем желание измучить, наказать за это дерзновение. Внутренняя трагедия была в душе Достоевского, трагедия человека, который отступил от прежних убеждений, но ни в коей мере не мог отказать им в известной доле справедливости и возвышенности. И эта психология искреннего отступника и представляет собою самое ценное в творчестве Достоевского. Но это я отмечаю между прочим. Во всяком случае, вот каковы были в 40 годах зародыши русского социалистического движения, чрезвычайно слабые, чрезвычайно ничтожные, не имевшие серьезного практического значения.

Социалистическое развитие Герцена не ограничилось знакомством его с сен-симонизмом. Я уже вам говорил, когда речь у нас шла о комментарии к систематическому и элементарному курсам русской истории, что Герцен в 1847 г. уехал заграницу, наблюдал февральскую революцию 48 года, поражение ее в июньские дни, полную безуспешность кучки французских рабочих непосредственно насадить социалистическую политику, возврат к господству капитализма и буржуазии. Герцен был дворянин, культурный, передовой, революционер, но дворянин. Господство мещан, буржуазии его ужасало. Ему казалось, что мещане, буржуазия—отсталые классы в сравнении даже со старым дворянством во первых; во вторых, ему казалось, что вместе с господством мещан погибли бы все мечты о социализме. И вот, разочарованный поражением рабочих в 1848 году, он ищет утешения и где же он его находит? Он находит его в России. Он находит, что с востока свет воссияет, что с востока двинется освободительное движение на всю Европу и что это освободительное движение будет, исходить от русского крестьянства, которое по существу социалистично, ибо ему свойственна земельная община, во первых, и во вторых ему свойственна также промышленная артель, эти будто бы зародыши социализма. Все эти взгляды Герцена нашли свое выражение в его книге „С того берега“ и послужили началом круга идей русского народничества. Из этого круга мы до сих пор не вышли, этот круг идей о миссии России, как провозвестницы мировой, социалистической революции, до сих пор имеет огромную силу в России, и потому мы должны остановиться на истории этого вопроса вкратце.

Конечно, эта идея в течение следующих десятилетий в своем развитии шла дальше. Эта идея не была чужда поэту Михайлову и критику-публицисту Чернышевскому в 60-х г.г. XIX века. Они также все надежды и упования на переворот в России возлагали на крестьянство, да и понятно. Крестьянство было тогда единственной народной массой, которая могла выступить в борьбу за новый русский строй. Они ошибались только в том отношении, что крестьянство может выступить социалистически; оно выступило впоследствии демократически, революционно, могло и тогда так выступить, но не выступило, несмотря на их воззвания. И Михайлов и Чернышевский написали прокламации, которые были найдены полицией и которые привели

в конце концов и того и другого на каторгу. Не надо также забывать, что Чернышевскому не были чужды, как показывает книга Плеханова, написанная о Чернышевском, и зародыши мысли о классовой борьбе и о противоположности классовых интересов, ему не был чужд даже некоторый скептицизм к русской земельной общине, как зародышу социализма, и в этом случае, нет сомнения, у Чернышевского был элемент, который является предвестником крупнейших перемен, пережитых русским социалистическим движением.

Я уже указывал, что народническое движение после Чернышевского нашло себе выражение в массовом общественном движении 70 г.г., в обществе „Земля и Воля", когда целый ряд пропагандистов и агитаторов пошли в деревню раз'яснять крестьянству, что оно социалистично. Тут состоялось фактическое соглашение различных течений русской социалистичнской мысли. Сошлись так называемые лавристы, последователи Петра Лаврова, которые являлись проводниками пропаганды в деревне, и бакунисты, последователи Бакунина, анархисты по взглядам, но в конце концов практически пришедшие к необходимости агитации и пропаганды, потому что иного выхода не было. Я указывал вам также и на то, что это движение не увенчалось успехом. Преследования со стороны полиции вынудили часть землевольцев на тайном с'езде в Воронеже вынести решение, что нельзя сразу стремиться к социализму, что на ряду с программой максимум нужно поставить программу-минимум. Эта программа минимум гласила: необходимо завоевать политические свободы, конституцию по крайней мере. И с этой целью признаны были террористические единичные акты, потому что массовых еще не могло быть, единичные в смысле уничтожения отдельных представителей власти и прежде всего покушения на самого главу государства—Александра II. Вождем этих террористов из среды землевольцев, как известно, был Желябов. И на с'езде в Липецке, который последовал после тайного с'езда в Воронеже. столкнулись два течения в среде землевольцев. Одно было представлено Желябовым, другое Плехановым, который был в тогдашнем обществе „Земля и Воля" и отстаивал необходимость оставаться при экономической программе, стоял за черный передел, т. е. за распределение всех земель крестьянам, а Желябов стоял за террор и, следовательно, за борьбу политическую, непосредственную. Хотя Плеханов не отрицал политической борьбы, но думал, что это будет следствием политической пропаганды, и отрицал террор. После этого и образовались две политические организации в русском социалистическом движении. Одна называлась „Народная Воля" и во главе ея стоял Желябов, она совершила ряд покушений, которые кончились убийством Александра II 1 марта 1881 года, и потом была ликвидирована в 1883 году правительством, не успев добиться того, чего она добивалась. Она хотела этими покушениями пробудить политическое сознание в народе и затем возбудить восстание; ничего не вышло в смысле восстания, хотя сознание пробудили, по крайней мере, приковали внимание к этому делу. Это я могу по личным воспоминаниям сказать, потому что на меня в детстве убийство Але-

ксандра II произвело впечатление такое, что являлся вопрос: откуда это, что это такое? Что представляют из себя те люди, которые убили его? И отсюда началось первое политическое мышление. И у многих, я думаю началось.

Вторая партия—чернопередельцы никогда особым влиянием не пользовались. Плеханов эмигрировал заграницу и в 80 х годах русский социализм пережил величайший кризис. К этому времени относится крутой перелом в истории русского социализма, определяющийся именно в действиях Плеханова.

Плеханов, живя заграницей, размышляя над ходом русского общественного развития и сравнивая его с ходом рабочего движения на западе, изучая экономическую литературу, в особенности, марксизм, пришел к выводу, который и изложил в одной из своих брошюр, сделавшей эпоху в русском социализме. Эта брошюра носит название „Наши разногласия". Он прямо и определенно выступил не только против терроризма, но и против народничества, как теории. Он высказывал твердое и глубокое убеждение, что русская революция будет революцией, в которой руководящую роль сыграет рабочий класс или она вообще не будет иметь места. Он высказывал твердое убеждение, что русское народничество глубоко заблуждается, когда оно предполагает, что Россия может перешагнуть в фазу социализма, минуя промышленный капитализм, и в особенности русское народничество ошибается тогда, когда думает, что русский капитализм есть искусственное создание правительства и должен погибнуть пред лицом крестьянской общины и ремесленной крестьянской артели. Ничего подобного,—говорит Плеханов, — русский капитализм есть факт, он пойдет вперед, он воспитает рабочий класс, и рабочий класс выкует революционное оружие также против старого порядка, как выковал такое оружие рабочий класс на Западе Европы.

Плехановым была основана заграницей в 1883 году, в том самом году, когда была разгромлена организация „Народной воли", группа „Освобождение труда". В этой группе и началась разработка российской социал-демократической мысли, и русская социалистическая мысль получила, таким образом, новое направление, направление Маркса, марксистское понимание истории. Плеханову принадлежит философское обоснование материалистического понимания истории.

Затем в России появился целый ряд отдельных лиц, кружковых пропагандистов, которые вели в кружках занятия по брошюрам, выходившие из группы „Освобождение труда". Они стали создавать маленькие кружки рабочих, в которых работали по части обучения их марксизму, научному социализму. Эти работы принесли свои плоды. У нас принято к этому движению кружковой пропаганды относиться свысока, смотреть на него несколько пренебрежительно. Это неправильно. В свое время они принесли огромную пользу, потому что создали кадры для той революционной и социалистической армии, которая должна была выступить в следующих 90-х годах. 90 е годы, как известно, привели к огромному под'ему русской обрабатывающей промышленности. Это была эпоха Витте, который понял,

что старый устой самодержавия, дворянство, подгнило и рухнет. Нужно было найти новый устой, и вот он попытался найти его в лице промышленной буржуазии. Для этого была развита покровительственная система, давались огромные заказы для фабрик и заводов, создавались все средства помощи фабрикантам и заводчикам, и мы видим сильный под'ем русской обрабатывающей промышленности. Но этот под'ем не улучшал положения рабочего класса; рабочий класс волновался. Еще в 1882 году правительство издало под влиянием рабочих волнений первый фабричный закон о нормировке женского и детского труда, практически не имевший значения, но все-таки знаменовавший собою первую победу рабочего класса. В 90-х годах стачечно-рабочее экономическое движение приняло массовый характер и в значительной степени увенчалось успехом. Появился фабричный закон, ограничивающий рабочий день, увеличилась заработная плата, благодаря стачечному движению. И в этом стачечном движении организаторскую роль сыграли те кадры социал.-демократов, которые подготовлены были кружками пропагандистов 80-х годов. Кружковая пропаганда принесла свои плоды для массовой экономической агитации 90-х годов.

И вот в 90-х годах мы присутствуем при картине, которая казалась неожиданной всего несколько лет тому назад, при огромном массовом рабочем движении, в значительной степени успешном. Эти успехи в значительной степени вскружили головы тем, кто им содействовал. Многие из интелигентов, из рабочих, вышедших из кружков, до того увлеклись экономическим успехом, что впали в ту же болезнь, в которую впали английские тред-юнионисты,—в экономизм. Они стали говорить: экономическая борьба — это все или почти все, остальное приложится, политическая борьба не нужна, нужно сейчас вести только борьбу экономическую, ибо это интересует, это гарантирует рабочий класс. Против этого экономизма восставал Плеханов. Он указывал, что это ошибка. Экономическое движение важно, конечно, это—основание всего рабочего движения, но отказываться от движения политического нельзя. Не создавать политическую борьбу—значит отказываться от углубления и расширения рабочего движения, значит отказываться от дальнейших и широких успехов. В этом смысле начали борьбу и вели борьбу, главным образом, группы социал-демократов, тайные, конечно, группы, которые носили в России название „групп борьбы за освобождение рабочего класса". Затем в 1898 году основана, наконец, была социал-демократическая партия, а в 1897 г. рабочий еврейский социал-демократический союз, под названием „Бунд". Они продолжали борьбу, начатую в 90-х годах. Экономисты, сторонники почти исключительно экономической борьбы, преобладали.

Но в начале XX века, в 1900 г. российскую промышленность постиг экономический кризис, как бывает всегда в каждом капиталистическом хозяйстве, и повторилась та же история, что и в Англии 30—40-х годов прошлого века. Рабочие увидали, что бесполезно бастовать на экономической почве, потому что имеется масса безра-

ботных, которые ищут работы, и впервые пред рабочим массовым сознанием выплыла мысль, что нельзя вести борьбу только экономическую, что нужно вести борьбу политическую для того, чтобы закрепить вместе с тем свои экономические завоевания. И мы видим переход рабочей тактики на почву политической борьбы. Группа, в которую входили Плеханов, Аксельрод, Ленин, Потресов, Мартов, группа „Искры" стала выпускать газету „Искра" и журнал „Заря", которые укрепляли это социал-демократическое движение. И рабочее движение вообще и в то же время стачечное движение в начале XX века приняли политический характер. Начались политические забастовки. Началась и политическая забастовка студентов, поведшая к взятию студентов в солдаты. Затем началось забастовочное рабочее движение, которое в 1903 году охватило почти весь юг, Москву и Петроград. В то же время наблюдалось и начало крестьянского движения.

В начале XX века основана была партия социал-революционеров, усвоившая начала, которые были еще свойственны народовольцам, в смысле террора, но вместе с тем социалисты-революционеры стояли за массовое восстание и отстаивали революционность и социализм крестьянства и надежду социализацией земли приблизиться к будущему социалистическому строю. Но они признавали и принцип классовой борьбы. Вот из совокупности крестьянского, рабочего и студенческого движения и получилась революционная атмосфера, которая, как известно, привела к революции 1905 г. и затем к дальнейшим событиям, вам хорошо известным, переживаемым теперь.

Мне приходиться теперь остановиться только еще на одном вопросе, в заключение, на вопросе о разных течениях в русской социалистической мысли начала XX века. Прежде всего я вкратце укажу, что народническое течение социал-революционерами представлено было заграницей, особенно после революции 1905 г., двумя группами. Во главе одной стоял Авксентьев, во главе другой Чернов. Чернов—интернационалист, Авксентьев—правый социалист-революционер. Но, как известно, потом дело осложнилось. Чернов оказался в центре, от него откололись левые соц.-рев., и сейчас мы имеем деление партии соц.-рев. на три группы. Вы, конечно, в общем и целом, понимаете разницу между отдельными группами. Партия правых с.-р. стремится к союзу с буржуазией и думает, что только таким путем, путем связи с прогрессивной буржуазией, возможно утверждение и торжество русской революции, что победа этим путем явится в конце-концов торжеством русского социализма. Центр занимает среднюю позицию, а левые являются ближайшим, примыкающим к коммунизму, крылом партии с.-р., т. е. имеющим в виду возможность, что Россия будет застрельщиком мирового социализма в существующей мировой борьбе и в конце-концов, с помощью России, по инициативе русского пролетариата и беднейшего крестьянства возможна будет всемирная социалитическая революция.

Теперь остановлюсь на работе соц.-демократической мысли Здесь мы прежде всего должны считаться с тем, что сделано было

Плехановым, какую роль в развитии социалистической мысли, не только в России, сыграл Плеханов. Ему прежде всего принадлежит видная роль, как философу соц.-демократии. У него есть много философских работ на русском языке, но центральная, большая философская работа издана по немецки. В ней обосновывается материалистическая философия естествознанием того времени, когда эта работа была написана. Она была написана в конце прошлого века и представляет собою отражение тех естественно-исторических взглядов, который проводил знаменитый русский физиолог Сеченов. И в этом отношении Плеханов был тысячу раз прав, ибо он считал, что надо следовать тому правилу, на котором настаивал Энгельс, что надо всегда следовать движению естествознания, постоянно руководствоваться его выводами. Но, само собой разумеется, с тех пор ушло много времени. Естествознание ушло вперед, и нужно обосновывать философию новыми естественно научными выводами. Как это сделать, я уже отчасти указывал в тех вступительных лекциях, которые я читал в самом начале.

Другая заслуга Плеханова заключается в том, что он обосновал в особенности своей книгой „К вопросу о значении монистического взгляда на историю" материалистическое или экономическое понимание истории. Эта книга останется всегда, и не только в русской литературе, одним из лучших произведений, трактующих этот вопрос.

Третья его заслуга заключается в том, что он, как я указал, выступал борцом против народнического представления о русском историческом развитии и о том, что можно перешагнуть, минуя капиталистическое развитие, прямо в социализм. И вот в этом отношении Плеханов далее пошел в обосновании развития этой мысли, он преследовал всякого рода течение мысли синдикалистской и анархистской. Он писал целый ряд статей об анархизме и синдикализме, в которых критиковал их.

В практической политике он был представителем того течения которое носит название „меньшевизма". Как известно, меньшевизм и большевизм—это были два течения, которые образовались на втором с'езде российской соц.-демократической рабочей партии. Вождем одного из этих течений—меньшевизма—не был сначала Плеханов, вождями были— Мартов и Аксельрод. Что касается большевизма, то вождем его был Ульянов-Ленин. Основанием этого перехода к большевизму у Ульянова были организационные разногласия. Незадолго до второго с'езда он издал брошюру под заглавием „Что делать?". В этой брошюре он об'являл, что русское рабочее движение, поскольку оно будет чисто рабочим, осуждено на судьбы английского тред'юнионизма, т. е. должно быть чисто профессиональным. Для того чтобы быть революционно-социалистическим оно должно быть оплодотворено интеллигенцией, и для этого нужна особая организация, нужно, чтобы во главе стояли организаторы из интеллигентов, чтобы они имели огромное значение, не выбирались рабочими, потому что в таком случае погибнут от полицейского преследования, но чтобы они диктаторски захватили власть и чтобы рабочие, руководимые из центра,

подчинялись строгой, железной дисциплине. Против этого восстал Плеханов, потому что он увидел в этом анархистскую струю, а затем расхождение сделалось все глубже.

В эпоху самой революции 1905 года восстание большевиками выдвигалось, как нормальное средство, гораздо сильнее, чем меньшевиками. Бойкот Думы выставлялся большевиками по преимуществу. Меньшевики от этого отступали, стояли за то, чтобы участвовать, потом и большевики, по крайней мере Ленин, признали необходимым участвовать в выборах в третью Думу. После революции 1905 года началось дальнейшее расхождение. По мнению Ленина и его сторонников, нужно было продолжать подпольную работу тайных организаций, а по мнению меньшевиков необходима была массовая легальная работа, хотя бы урезанная, но непременно массовая и легальная, потому что нелегальные организации не могут влиять на массы и, кроме того, кишат провокаторами и предателями. Известно, что даже во фракции соц. демокр. 4 Думы депутат Малиновский оказался агентом департамента полиции.

Я только излагаю взгляды обоих сторон, отнюдь не критикую, не не в этом сейчас моя задача. Далее дело пошло так, что дальнейшим пунктом разногласия был тот, который раз'единил в значительной степени соц.-демократию всего мира. Отношение к войне, невозможность предотвратить войну привели некоторую часть соц.-демокр. к оборонческим стремлениям. Важнейшими представителями этих оборонческих выступлений являются Плеханов и Потресов. Но что касается главной части меньшевиков, то они не становились на почву такого оборончества, Главная часть меньшевиков стала на сторону интернационалистической борьбы с войной, но борьбы не в тех формах, какие в этом смысле проповедывал Ленин и его сторонники, и так называемые циммервальдцы, которые созвали международную конференцию в Циммервальде, в Швейцарии. Другие более умеренные течения, в том числе и меньшевики-интернационалисты собрались на конференцию в местечке Кинталь в Швейцарии, и здесь представителем русского меньшевизма был Мартов. Он отстаивал, что необходимо встать на точку зрения более умеренную, не увлекаться перспективами непременно немедленной социалистической революции, потому что возможно, что немедленной социалистической революции нельзя будет осуществить, что процес ея может растянуться на многие десятилетия и нужно быть готовым к этому; увлекаться стремлением немедленно ее утвердить—значит ошибаться.

Вот эти различия в области практической политики и разделяют разные течения Российской соц. демократии. Я должен упомянуть, что у Ленина есть теоретические заслуги. Они заключаются, главным образом, в том, что он разрабатывал теорию аграрного вопроса, в особенности в своей книге. „Развитие капитализма в России“, где содержатся ценные материалы по части разработки этого вопроса и о промышленном капитализме в России.

В заключение должен сказать только одно, ограничусь одним только пожеланием, чтобы тот кризис, в котором сейчас находится

международное социалистическое движение, сопровождался возможно меньшими жертвами в деле завоеваний социализма в будущем. Нет никакого сомнения, что различные течения социалистической мысли и рабочее движение вообще направлены к торжеству социализма, что все они добросовестно со своей точки зрения стремятся к одной цели, но путь борьбы представляется им различно. Конечно, если они не найдут возможным примирить эти различия, то это ослабит социалистическое движение. Отсрочится торжество социализма, если в междуусобных распрях и бранях будут проводить свое время социалистические партии различных течений. Остается высказать пожелание, чтобы все эти отдельные разногласия не повели к практическому страшному кризису и страшной катастрофе, чтобы, как бы ни были утопичны некоторые течения, господствующее сейчас, чтобы с одной стороны у их врагов нашлось бы достаточно здравого смысла не проливать слишком много крови и не стремиться к насильственной ликвидации, а с другой стороны, чтобы у тех, кто сейчас через-чур пылко мечтает о будущей социалистической немедленной революции нашлось достаточного здравого смысла, чтобы в настоящую или возможно ближайшую минуту найти путь к соглашению.

БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ